

★ А ★ Л ★ Е ★ К ★ С ★ Е ★ Й ★

ТРАВИЛА

КАЛУГИН

КРЫСА

ИГРА В РЕАЛЬНОСТЬ

Алексей Калугин
Игра в реальность

«ЭКСМО»

2001

Калугин А. А.

Игра в реальность / А. А. Калугин — «Эксмо», 2001

Чем только не занимаются пришельцы из будущего на просторах нашей многострадальной родины! Вот уж действительно отличная площадка для подвижных игр – хватило бы только фантазии! И мало того что резвятся сами, так норовят вовлечь в свои опасные забавы какможно больше наших сограждан. На долю двух приятелей, Виктора и Анатолия, выпали невероятные перемещения по параллельным реальностям российской действительности, а это, уж поверьте, игры не для слабонервных.

© Калугин А. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	56
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Калугин

Игра в реальность

Глава 1

Звонок прозвучал в тот самый момент, когда скользкое зеленое чудовище, выпучив нали-тые кровью глаза, протянуло свои жуткие щупальца к специальному агенту ФБР Фоксу Малдеру. Изящным движением Малдер откинул борт пиджака, ловко выхватил пистолет из кобуры под мышкой, перехватил его двумя руками и разрядил пол-обоймы в третий глаз монстра. Глаз взорвался, подобно переспелому помидору, брошенному на асфальт с пятого этажа, перепачкав морду чудовища омерзительной на вид клейкой красно-коричневой массой. Но у зеленого уродца, выросшего в глубинах городской канализации, оставались в запасе еще два глаза и несколько недозволенных приемов. Не дожидаясь, когда Малдер снова откроет огонь, подлая тварь обвила свое щупальце вокруг щиколотки левой ноги специального агента и повалила его на пол. Естественно, пистолет при этом вылетел у Малдера из руки и закатился куда-то под трубы. Положение становилось критическим. Малдеру нужно было срочно что-то предпринять, чтобы не угодить в пасть чудовища, которое уже плотоядно скалило устрашающего вида клыки, зловеще уставившись на озадаченного агента.

И тут вновь раздался звонок.

На этот раз он прозвучал намного настойчивее и требовательнее.

В гости я никого не ждал, а потому и не бросился открывать дверь сразу после первого звонка. Кто там мог быть? Скорее всего какие-нибудь торговцы, предлагающие сахарный песок мешками с доставкой до дверей квартиры или кожаные куртки по таким низким ценам, что, право же, задумаешься, с кого эту кожу содрали. Мог стоять за дверью и сосед сверху, который регулярно стрелял у меня десятку до зарплаты. Деньги он добросовестно возвращал, причем всегда в срок, но сейчас я не имел ни малейшего желания встречаться с ним. Ненавижу, когда мне мешают смотреть «Секретные материалы».

Сериал показывают два раза в неделю по выходным, и в эти дни я на час отключаюсь от повседневной жизни, погружаясь в мир тайн, загадок и правительственных заговоров. Большинство серий, следует признать, довольно-таки глупые, но в том и заключается эффект сериала, что, втянувшись в его перипетии, с ним уже невозможно расстаться. Все время ждешь, что в следующей серии тебе непременно покажут нечто такое, от чего дух захватит. Хотя и прекрасно понимаешь при этом, что возможность того, что ожидание сбудется, равноценна тому, что агенту Малдеру не удастся выбраться из брюха очередного монстра живым и невредимым, только слегка запачкав костюм.

Когда звонок прозвучал в третий раз, я тихо выругался сквозь зубы и сунул ноги в тапки. Упершись руками в подлокотники, я вытолкнул свое тело из глубокого, невероятно удобного кресла и обреченно поплелся на зов того, кто, стоя за дверью, жаждал меня лицезреть.

Таинственным незнакомцем оказался не кто иной, как мой старый приятель Витька Кровиц. Мы знакомы с ним лет тридцать без малого. Вместе еще в школе учились.

Никаких радужных воспоминаний от школы у меня не осталось. Наверное, именно поэтому я никогда не хожу на встречи одноклассников, на которые меня регулярно приглашают. Да и вообще ни с кем из бывших одноклассников близких отношений не поддерживаю. Только здороваюсь на ходу, встречая на улице. Единственное исключение – Витька Кровиц. Но даже это не давало ему права врывать ко мне в дом посередине новой серии «Секретных материалов».

Едва я приоткрыл дверь, как Витька, грудью оттеснив меня с порога, буквально вломился в прихожую. Как это у него получилось, понятия не имею. Витька почти на полголовы ниже меня ростом, да и атлетическим телосложением тоже не отличается. Не давая мне опомниться, Витька быстро захлопнул дверь и привалился к ней спиной.

Еще в школе, убедив себя в том, что для противоположного пола он не представляет никакого интереса, Витька демонстративно перестал придавать какое-либо значение своему внешнему виду. С годами это вошло у него в привычку. Человек, незнакомый с Витькой, встретив его на улице, мог запросто принять Кровица за медленно, но планомерно спивающегося младшего помощника слесаря из жилищной конторы. Вид у Витьки был, деликатно выражаясь, несколько чудаковатый. Рыжие, чуть вьющиеся волосы, несколько поредевшие на затылке, торчали во все стороны как попало. Стригся он не чаще двух раз в год, да и то предпочитал не ходить в парикмахерскую, а пытался уговорить кого-нибудь из знакомых взять в руки ножницы и поработать над его прической. Широкие губы, длинный нос, карие, чуть косящие глаза – типичный безумный гений. Или, повторюсь, алкаш из жилконторы.

Экипировка его состояла из стоптанных кроссовок, место которым давно уже было в мусорном баке, джинсов, небрежно залатанных в нескольких местах, мятой серой водолазки и темно-синей ветровки, которую, если мне не изменяет память, он таскал уже лет десять.

Вытаращив глаза, почти так же ужасно, как тот монстр, который пытался сожрать Малдера, Витька произнес свистящим полупшепотом, звучащим, словно из могилы:

– Зверинин, они вышли на меня!

Сказав это, он развернулся и принялся крутить ручку дверного замка.

– Не в ту сторону, – тяжело вздохнул я.

Витька быстро повернул ручку в противоположную сторону на два оборота, накиннул дверную цепочку и как следует дернул дверь, чтобы убедиться, что она надежно заперта.

– Зверинин, мне нужно где-то отсидеться! – вновь обратил он ко мне взволнованное лицо с лихорадочно блестящими глазами.

Я говорю «лихорадочно» только потому, что хорошо знаю Кровица. В противном случае я бы назвал блеск в его глазах «безумным». Но Витька Кровиц вовсе не был безумцем. Он был чудаком, каких мало, и при этом еще обладал незаурядным воображением и изощренной фантазией. Судите сами, являются ли эти качества достоинством или недостатком для мужчины, которому через пару лет стукнет сорок.

– Мне нужно спрятаться, Зверинин, иначе мне конец! Не знаю, каким образом, но им удалось выследить меня!

Я обреченно вздохнул и указал рукой на дверь в комнату, откуда доносился полный отчаяния и боли крик Малдера.

Скользнув мимо меня, Витька устремился в указанном направлении.

Когда я вошел в комнату следом за ним, Витька уже сидел в моем любимом кресле, похозяйски развалившись и закинув ногу на ногу. Его поза и весь внешний вид говорили о покое и умиротворенности. Глядя на Витьку, невозможно было поверить, что всего лишь минуту назад он ворвался ко мне в квартиру с перекошенным от ужаса лицом.

Впрочем, меня этим не удивишь – я привык к резким перепадам его настроения. Больше всего он любил доводить окружающих до состояния нервного предощущения близкого конца света, а после тихонько сидеть в уголке, наблюдая за развитием событий и упиваясь результатом своего очередного заскока, а то и розыгрыша.

Такова уж была натура Витьки Кровица, и ничего с этим невозможно было поделать. Но, как ни странно, я к его причудам относился вполне терпимо. Он же, понимая, что я знаю его как облупленного и со мной его штучки не пройдут, крайне редко пытался играть со мной в свои игры. Да и то лишь в тех случаях, когда у него не было другой, не в пример мне, более благодарной публики.

Глянув на меня, Витька указал рукой на экран и состроил презрительную гримасу.

– Как ты можешь смотреть эту чушь?

– Я же не спрашиваю тебя, почему ты носишь дырявые кроссовки, – ответил я, усаживась на стул.

Витька с любопытством уставился на подошву своей левой кроссовки. Я ничего не придумывал: на пятке действительно зияла дыра размером с пятирублевую монету. Посмотрев изучающим взглядом на подошву другой кроссовки, Витька обнаружил на ней глубокую трещину, своими очертаниями напоминающую американский Большой каньон.

Взяв пульт дистанционного управления, я прибавил звук.

Действие на экране уже перенеслось в коридоры центрального управления ФБР. Малдер, одетый в новенький, с иголки костюм, вышагивал по коридору с пренебрежительной полуулыбкой на губах. Судьба скользкого пучеглазого чудовища, похоже, уже была решена. К сожалению, без моего участия.

Витька снова демонстративно поморщился.

– Ты не собираешься предложить гостю чашечку чаю? – осведомился он с совершенно невинным видом.

Можно было подумать, что это я сам пригласил его в гости, а затем забыл о роли радушного хозяина.

– Я, между прочим, смотрю фильм, – недовольно проворчал я.

– Так я же не заставляю тебя пить чай вместе со мной, – отозвался Витька. – Принеси мне чашку, заварочный чайник и пару бутербродов с колбасой. Если у тебя есть сыр, я не откажусь и от сыра. Только мне нравится сыр с такими вот дырками. – Сложив кольцом указательный и большой пальцы, Витька изобразил, какого именно размера должны быть дырки в сыре. – Все время забываю, как он называется.

– «Маздам», – напомнил я.

– Точно – «Маздам»! – радостно щелкнул пальцами Витька.

– Иди ты к черту, Кровиц, – устало произнес я.

– Хорошо. – Витька с готовностью вскочил с кресла. – Я сам все приготовлю.

Сказав это, он убежал на кухню.

Я не успел еще пересест в кресло, как Витька снова вернулся.

– Забыл спросить, ты сам-то чай будешь? – спросил он.

– Да, – ответил я, с трудом сдержавшись, чтобы не запустить Витьке в лоб пультом, который держал в руке.

Витька кивнул и исчез за дверью.

Пару минут я добросовестно старался сообразить, о чем так горячо спорят на экране агенты Малдер и Скали, но понял только то, что ничего не понимаю, и со злостью нажал кнопку переключения каналов. Совершенно случайно я попал на музыкальный канал. На экране томно разводили руками аккуратненькие мальчики, очень похожие на девочек. Мое раздражение хлынуло через край. Я выключил телевизор, швырнул пульт на стол и пошел на кухню, посмотреть, чем там занимается Витька.

– Ты чего? – глянул на меня через плечо незваный гость и перестал нарезать колбасу ломтями толщиной в палец.

– Пришел тебе помочь, – мрачно буркнул я в ответ.

– Кино уже закончилось?

– Нет. Завтра с утра посмотрю повтор.

– Слушай, если это из-за меня... – Витька извиняющимся жестом приложил к груди руку, в которой у него был нож.

– А, ладно, – махнул я рукой.

Сняв чайник с огня, я ополоснул кипятком заварочный чайник. Выждав секунд двадцать, насыпал в него чай и залил кипятком.

Витька тем временем нарубил хлеб. На разделочной доске лежали такие огомные ломти, что откусить кусок от любого из них, не рискуя при этом вывихнуть челюсть, могли только три известных мне человека: Стив Тайлер, Мик Джаггер и Витька Кровиц.

Витька, похоже, не испытывал на этот счет никаких сомнений. Положив рядом два огромных куска хлеба, он облил каждый кетчупом, затем кинул на них по ломтю колбасы, добавил сыру, прослоив все это горчицей, сверху положил по половинке огурца, приправил все это майонезом и придавил новыми кусками хлеба. С любовью глянув на получившиеся суперсандвичи, он аккуратно переложил их на тарелку.

– Тебе бутерброд сделать? – спросил он, взглянув на меня.

– Боюсь, что от твоих бутербродов у меня будет несварение желудка, – ответил я.

– Как знаешь, – с безразличным видом пожал плечами Витька и, взяв в одну руку тарелку с сандвичами, а в другую – мою любимую черную кружку, отправился в комнату.

Я последовал за ним, прихватив заварочный чайник и кружку для себя.

Витька налил себе полную кружку заварки и всыпал в нее три ложки сахара.

– Короче, дело в следующем, – сообщил он, помешивая чай ложкой. – За мной установлена слежка. Не знаю, что им от меня нужно, но, судя по всему, настроены ребята серьезно.

Витька откусил огромный кусок от одного из своих суперсандвичей и сделал плоток чаю.

– Техническое оснащение у них на высочайшем уровне, – не очень внятно пробубнил он с набитым ртом.

Я досадливо цокнул языком.

– Кто на этот раз?

Витька Кровиц вовсе не был параноиком, но при этом ему повсюду мерещились заговоры спецслужб и агенты вражеских разведок. В шпиономанию он начал играть еще в школе, да так и не смог остановиться. По-моему, парень просто от скуки выдумывал какие-то совершенно невероятные истории, в которые он якобы попадал, а потом, дабы довести рассказ до совершенства, обкатывал его на ком-нибудь из своих знакомых. Воображение у него было настолько живое, а язык – сочным, что, признаться, порою я удивлялся, почему он не стал писателем, а, окончив радиотехнический, так и продолжал заниматься своими транзисторами-резисторами, словно интереснее этого ничего в целом мире не было.

Скорее всего виной всему была Витькина лень. С недавних пор он работал в какой-то небольшой частной лавочке, занимающейся ремонтом телевизоров и видеоманитофонов. Поковыряв пару дней отверткой в радиосхемах и заработав немного денег, Витька после этого неделю валялся на диване, тупо перелистывая старые журналы «Вокруг света» или «Техника – молодежи» и дожидаясь, когда его снова призовут на рабочее место.

В школе Витька считал, что за ним следят агенты ЦРУ, которые хотят заранее завербовать его. Эти злодеи понимают: при его талантах после института он наверняка будет распределен на один из секретных заводов. В зависимости от политического климата в мире ЦРУ порою уступало место «МОССАДу» или МИ-2. В институтские годы Витька считал себя диссидентом, а потому остерегался долгих разговоров по телефону и домой возвращался всегда разными путями, опасаясь слежки. После перестройки в его страхах КГБ ненадолго сменился ФСБ, затем внешней разведкой. Но подлинного апофеоза Витькины фантазии достигли в тот момент, когда он пришел к выводу, что за ним охотятся космические пришельцы. Каких только историй не наслушался я в этой связи. Честное слово, создатели «Секретных материалов» грызли бы локти от зависти, доведись им послушать, как рассказывает о своих невероятных похождениях Витька Кровиц.

Именно поэтому я ничуть не удивился, когда Витька ворвался ко мне в квартиру с воплями: «За мной следят!» И если бы он не помешал мне смотреть кино, то я с удовольствием

выслушал бы очередную Витькину историю о летающих тарелках, паркующихся у парапета его балкона.

– Так кто же на этот раз? – повторил я свой вопрос.

– Ты не поверишь мне, Анатоль.

Витька покачал головой. То ли для того, чтобы придать своим словам большую убедительность, то ли затем, чтобы протолкнуть кусок в горло.

Я отхлебнул чай из кружки и усмехнулся. О Витькиных взаимоотношениях с инопланетянами мне было известно уже многое. Так что, если Витька всерьез рассчитывал удивить меня, ему придется очень постараться.

– Анатоль, на этот раз дело серьезное. – Витька затолкнул в рот остатки первого суперсэндвича и, сделав резкое движение подбородком, проглотил его, словно удав, почти не пережевывая. – Ты меня знаешь – я просто так языком молоть не стану...

Вот именно, что знаю!

– Короче, – Витька сделал глоток чаю, – за мной следят пришельцы из будущего.

Я насторожился. Это было уже что-то новенькое. От монстроидных пришельцев из параллельных миров Витька у меня уже прятался, а вот о гостях из будущего я услышал от него впервые.

– С чего ты взял? – спросил я.

– Сегодня я несколько раз выходил из дома. И всякий раз видел двух странных типов, сидевших на лавочке напротив моего подъезда.

– Может быть, это были всего лишь алкаши? – предположил я.

– Алкаши не носят костюмов от Версаче, – возразил мне Витька.

Я покачал головой.

– Не знаю, как ты, а я Версаче от Армани не отличу.

– Ну, может быть, это был и не Версаче, – не стал настаивать на своей первоначальной версии Витька. – Но будь на мне такой костюм, я бы поостерегся садиться в нем на садовую скамейку. А эти двое просидели на ней весь день. И, заметь, абсолютно ничего при этом не делали.

– А с чего ты взял, что они следили именно за тобой?

– А за кем же еще? – недоумевающе развел руками Витька.

Ну конечно, за кем же еще могли наблюдать два странных человека в немислимо дорогих костюмах, как не за Витькой Кровищем! Развивать эту тему дальше было бесполезной тратой времени, поэтому я задал другой вопрос:

– А почему ты решил, что они из будущего?

– Э, брат, – хитро прищурился Витька. – Признаюсь, прийти к этому выводу было нелегко. Для того чтобы раскусить их, мне потребовалась вся моя смекалка и наблюдательность.

Витька сделал театральную паузу, ожидая, чтобы я проявил интерес к его истории.

– Ну? – спросил я.

Витька наклонился вперед и сообщил мне таинственным полусшепотом:

– У них лица не от мира сего.

– В каком смысле? – не понял я.

– Понимаешь, с первого взгляда видно, что они не отягощены проблемами, которые угнетают нас днем и не дают расслабиться даже ночью.

– В таком случае это были иностранцы.

Витька скептически скривил губы.

– Извини, Анатоль, но то, что ты сказал, полнейший нонсенс. Иностранцы, сидящие на лавочке в загаженном парке, среди битых бутылок и собачьего дерьма, и наслаждающиеся ароматом расположенной неподалеку мусорной кучи?.. Абсурд! Кроме того, даже у иностранцев

есть свои проблемы. Конечно, их проблемы сушая чепуха по сравнению с нашими, но все же мне ни разу не доводилось видеть человека с совершенно беззаботным выражением лица. Если, конечно, не принимать в расчет детей и идиотов.

– А у парочки, сидевшей на скамейке возле твоего подъезда, лица были именно беззаботные?

Витька задумался и прищурил глаза, припоминая лица шпионивших за ним пришельцев.

– Они были скорее безразличными, – медленно произнес он. После чего, кивнув, уже уверенно добавил: – Да, именно так. Абсолютно безразличные лица. Понимаешь, Анатоль, их совершенно не интересовало то, что происходило вокруг, потому что все это было для них чужим.

Я поразился точности замечания, сделанного Витькой: лица у пришельцев были не беззаботные, а безразличные. Да, пришельца из будущего с безразличным выражением физиономии я мог себе представить без труда. И все же я попытался возразить:

– Но, как-никак, мы их предки. Неужели им совершенно безразлично, как мы живем?

– Все дело в том, что для них мы не живые люди, а что-то вроде музейных экспонатов. Муляжи из папье-маше, местами потрескавшиеся, с облупившейся краской и покрытые толстым слоем пыли. Помнишь, в третьем или четвертом классе нас водили в Музей революции. Много эмоций вызвал у тебя пиджак Ильича, висевший на вешалке за стеклом?

– Помнится, я тогда подумал, что этот пиджак мог принадлежать кому угодно, – усмехнулся я. – Но мы-то ведь не пиджаки, а, можно сказать, живая история.

– Мертвая! – подняв вверх указательный палец, поправил меня Витька. – Мертвая, Анатоль! Для них мы все давно уже покойники!

Когда Витька начинает выдавать свои совершенно невероятные истории о таинственных преследователях, не дающих ему покоя, мне бывает трудно говорить с ним серьезно. Но на этот раз разговор меня заинтересовал. То, что плел Витька, показалось похожим на историю из «Секретных материалов», которые мне сегодня так и не удалось посмотреть.

– Ладно, – не стал спорить я. – Выходит, только странное выражение лиц и не соответствующая обстановке одежда людей, сидевших на скамейке возле твоего дома, привели тебя к выводу, что они пришельцы из будущего?

– Если бы только это, – загадочно усмехнулся Витька.

– Было что-то еще?

Витька быстро посмотрел по сторонам, словно хотел убедиться в том, что нас никто не подслушивает, и вновь перешел на шепот:

– Когда я был дома, то случайно глянул за окно. И знаешь, что я там увидел? Прямо за стеклом в воздухе висел объект, похожий на человеческий глаз, только очень большой. Секунд десять я смотрел на него. Затем глаз заметил, что я за ним наблюдаю, и тут же скрылся.

– Растворился в воздухе? – поинтересовался я.

– Нет! – протестующе взмахнул рукой Витька. – Просто отлетел в сторону и скрылся среди листьев березы, растущей у меня под окном, так что я не мог его больше видеть.

Я покачал головой.

– И все же я не понимаю, почему ты считаешь, что это именно пришельцы из будущего, а не, допустим, все те же хорошо знакомые тебе инопланетяне?

Витька посмотрел на меня как на неразумного младенца.

– Анатоль, посуди сам, какому инопланетянину придет в голову изготовить прибор для наблюдения в форме человеческого глаза?

– Ну хорошо. – Я благоразумно не стал вступать в детальное обсуждение данного вопроса. – Допустим, тебя «пасут» люди из будущего. Возникает вопрос: что им от тебя нужно?

Вот тут Витька меня удивил. Обычно он точно знал, чего желают те или иные спецслужбы, установившие за ним наблюдение. Да иначе и быть не могло, поскольку он сам при-

думывал все эти истории. Стараясь, чтобы то, что он плел, звучало убедительно, Витька непременно уделял внимание тому, чтобы аккуратненько увязать все концы. Обычно он имел готовые ответы на самые каверзные вопросы, которые мог бы задать ему особо придирчивый слушатель. Но сейчас он просто пожал плечами и сказал:

– Понятия не имею.

Я, наверное, даже если бы и постарался, все равно не смог бы скрыть своего недоумения.

– То есть как это?

– Ну, у меня имеется несколько гипотез, – смущенно отвел глаза в сторону Витька. – Но я не могу ручаться за то, насколько они соответствуют истине.

Я сделал приглашающий жест рукой:

– Выкладывай.

– Версия перая. – Начав фантазировать, Витька сразу же приободрился. – Возможно, моей жизни угрожает какая-то опасность, и люди из будущего, зная о том, что должно произойти, прибыли сюда, чтобы защитить меня.

Я скептически хмыкнул.

– А у тебя нет идей насчет того, какой интерес для будущего представляет твоя жизнь? – поинтересовался я у Витьки. – Насколько мне известно, выдвигать свою кандидатуру на президентский пост ты в ближайшее время не собираешься. Великое открытие, которое могло бы перевернуть представление людей о Вселенной, ты, сидя в своей шарашке по ремонту телевизоров, тоже вряд ли сделаешь. Я, например, считаю, что ни обо мне, ни о тебе никто не вспомнит уже лет через пятьдесят после того, как мы покинем сей мир. И то при условии, что каждый из нас обзаведется семьей и детьми, которые еще какое-то время станут поминать родителей недобрыми словами за то, что нас угораздило заняться обустройством личной жизни именно в это время и именно в этой стране.

Витька возмущенно всплеснул руками.

– Как же ты узко мыслишь, Анатоль!..

Он хотел было сказать что-то еще, но тут его взгляд упал на второй суперсэндвич, который, забытый своим создателем, одиноко лежал на тарелке. Не в силах противстоять искушению, Витка схватил этот гигантский бутерброд и разом откусил от него почти половину. Чтобы прожевать такой огромный кусок, ему потребовалось какое-то время.

Сделав пару глотков чаю, Витька продолжил изложение своего видения проблемы взаимосвязи нашего сегодняшнего дня с отдаленным будущим:

– Великие люди прошлого представляют интерес только для историков и любителей мемуарной литературы. Для будущего в целом не имеет никакого значения, насколько известен был человек в свое время. Все мы являемся творцами будущего, даже если считаем, что ничего для этого не делаем. Вспомни рассказ Брэдбери «И грянул гром...». Гибель бабочки, случайно раздавленной путешественником в прошлое, в корне изменила ход истории! А мы сейчас говорим не о насекомом, а о человеке – существе, как ни крути, в какой-то степени разумном и наделенном свободой выбора.

– И что с того?

– А то, что люди будущего, проследив в обратном направлении цепь событий, которая привела к неблагоприятным для них последствиям, могли отыскать в прошлом то самое ключевое звено, внеся изменения в которое можно рассчитывать на позитивные изменения в будущем.

Я посмотрел на Витьку с плохо скрытым сомнением.

– И ты считаешь себя той самой исторической фигурой, судьба которой может изменить будущее в ту или иную сторону?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Витька и затолкнул в рот остаток сэндвича.

Я усмехнулся и покачал головой. Ну никак не был похож Витька Кровиц на человека, судьбой которого могли обеспокоиться люди будущего. Кто угодно, только не он. Но, как ни странно, именно таких чудаков жизнь, порою по совершенно непонятной причине, возносит вверх. Зачем? А кто ж ее разберет. Так бывает. И мне это было известно лучше, чем кому-либо другому.

– Но у тебя есть и другая версия, – напомнил я.

– Точно, – кивнул Витька. – Эта та же самая версия, которую я тебе уже изложил, только со знаком минус. Вполне возможно, что для внесения позитивных изменений в будущее нужно, чтобы я умер раньше отмеренного мне судьбой срока. В таком случае парочка, сидящая на скамейке возле моего подъезда, – это наемные убийцы из будущего.

Я взял со стола заварной чайник и заново наполнил свою кружку. Витька тут же протянул свою, и я плеснул ему остатки заварки.

– Ну, что ты на все это скажешь? – спросил он, зажав кружку обеими руками так, словно хотел ее раздавить.

– У тебя мания величия, – с серьезным видом ответил я.

– Ты мне это уже говорил, – коротко кивнул Витька.

– Разве? – удивленно вскинул брови я.

– И не один раз.

– Ну, в таком случае мне больше нечего добавить.

Я поднял руку и демонстративно посмотрел на часы, давая понять, что время позднее и гостю пора бы уже подумать о доме.

– Послушай, Анатолий, на этот раз я не шучу. – Я заметил, как в глазах Витьки блеснули панические огоньки. Похоже, он действительно был напуган. – Эти ребята на скамейке ждут, когда я вернусь.

– Ты хочешь переночевать у меня?

– Если ты не против...

– Против. У меня завтра важная встреча, и мне нужно как следует выспаться. А тебя я прекрасно знаю – ты не утомнишься до четырех утра.

– Я буду сидеть тихо...

– Нет!

Витька с обреченным видом уронил голову на грудь.

– Что ж, по крайней мере, если со мной что-нибудь случится, ты будешь знать, кто в этом виноват.

– Точно, – кивнул я. – И незамедлительно сообщу о происшествии в полицию времени. Они зашлют своих агентов на несколько дней назад, и те разберутся с твоими убийцами прежде, чем они сделают свое черное дело.

– Ты напрасно смеешься, – мрачно посмотрел на меня из-под насупленных бровей Витька. – Не исключено, что на меня охотятся временные террористы, которые хотят уничтожить будущее, создав мощный хроноклазм.

– Чего? – Я непонимающе сдвинул брови к переносице.

– А ну тебя! – безнадежно махнул рукой Витька. – Фантастику нужно читать.

Поднявшись со стула, он сгорбился, втянул голову в плечи и нехотя потопал в прихожую. Возле двери он остановился и хлопнул себя по карманам.

– Черт, сигареты кончились. – Обернувшись, Витька посмотрел не на меня, а куда-то поверх моего левого плеча. – Слушай, Анатолий, я деньги дома оставил. Дай десятку, куплю сигарет по дороге.

Я усмехнулся и, вытащив из кармана пятидесятирублевую купюру, молча протянул ее Витьке.

– Да мне только на сигареты, – совсем уж смутился он и, быстро схватив деньги, сунул их в карман.

Видно, увлекшись своими пришельцами из будущего, Витька в очередной раз забросил работу, в результате чего у него и возникли проблемы с наличностью.

Открыв дверь, Витька остановился на пороге.

– Ладно, Анатоль, спасибо хотя бы за то, что выслушал.

– Не за что, – ответил я с улыбкой. – Всегда рад тебя видеть.

– Это ты только так говоришь, – с укоризной покачал головой Витька.

И в этот момент я увидел у него в глазах выражение такой неизбывной тоски, что мне захотелось схватить его за руку, втащить в квартиру и никуда не отпускать. Но, сам не знаю почему, я не сделал этого.

Махнув на прощание рукой, Витька побежал вниз по лестнице.

– Я позвоню тебе завтра утром! – крикнул я ему вслед.

Ответом мне стало только приглушенное шлепанье подошв сношенных Витькиных кроссовок по каменным ступенькам лестницы.

Я стоял в дверях своей квартиры до тех пор, пока внизу не хлопнула дверь парадного. Только после этого вернулся в квартиру, захлопнул дверь и запер ее на замок.

Сунув руку в карман спортивных брюк, которые носил дома, я проверил, на месте ли ключи от квартиры. Два ключа от двери и один от почтового ящика висели на кольце вместе с небольшим брелоком в форме груши, на расширенном конце которого выступала тугая круглая кнопка. Я получил его в тот день, когда мне исполнилось восемнадцать лет. И с тех пор никогда с ним не расстаюсь.

Глава 2

Утро для меня обычно начинается не раньше одиннадцати часов. Поэтому Витьке я позвонил только в начале первого.

Памятуя о том, что у парня кончились деньги, я не очень-то рассчитывал на его присутствие дома. Скорее всего, забыв о своих пришельцах из будущего, он уже сидит с паяльником в руке, регенерируя внутренности какого-нибудь «Самсунга» или «Томпсона». Но, к моему удивлению, сразу же после первого гудка на противоположном конце провода взяли трубку.

– Слушаю, – произнес незнакомый мне мужской голос.

Я бросил взгляд на табло телефонного аппарата, которое с однозначной определенностью утверждало, что номер был набран правильно и при соединении сбоя на линии не произошло.

– Слушаю, – вновь повторил незнакомый голос в трубке.

На этот раз мне показалось, что я уловил в нем командирские интонации. Человек, пытавшийся вызвать меня на разговор, не привык к тому, чтобы ему не отвечали.

После смерти родителей Витька жил в квартире один. Если он и приводил к себе друзей, то среди них не было таких, которые стали бы хватать телефонные трубки, отвечая на чужие звонки.

– Почему вы молчите? – задал вопрос голос из трубки.

У Витьки дома стоял самый простой телефонный аппарат без определителя номера. Поэтому, не опасаясь, что меня могут вычислить, я аккуратно нажал кнопку отбоя и положил трубку.

Чтобы собраться с мыслями, я наклонил голову и на пару секунд прижал пальцы к вискам.

В квартире Витьки находится кто-то чужой. Выходит, вчера он был прав, уверяя, что за ним установлено наблюдение? После всех историй, что я наслушался от него за тридцать лет знакомства, поверить в это было почти невозможно. И все же факт оставался фактом: я позвонил Витьке, чтобы удостовериться, что у него все в порядке, а мне ответил кто-то чужой.

Что было делать? Звонить в милицию? Пересказать им дурацкую историю о террористах из будущего, задумавших сотворить хроноклазм... Или как там его Витька называл?..

Не скажу, что я уж очень обеспокоился. В конце концов, все в жизни когда-нибудь случается в первый раз. Вполне возможно, что именно в тот момент, когда я набрал номер телефона, Витька оставил дома кого-то из своих приятелей, а сам ненадолго вышел на улицу. Скажем, за теми же сигаретами. Почему бы и нет? Вполне возможно, что именно так все и было. Или примерно так. Поэтому, прежде чем обращаться в милицию и поднимать панику, следовало бы убедиться в том, что с Витькой действительно произошло что-то неладное.

Самым простым, конечно же, было бы вновь набрать номер Витькиного телефона и, если опять ответит незнакомец, попросить его позвать Витьку к аппарату. Но самый простой способ далеко не всегда самый верный. В особенности при тех условиях, в которых мне приходилось действовать. Поэтому я решил нанести Витьке визит лично.

Приняв решение, далее я уже не медлил. Сбросив с себя домашнюю одежку, я надел джинсы, кроссовки, черную майку без рукавов с лаконичной надписью «GO!», зеленую ветровку и кроссовки.

Этот набор отличался от того, в котором вчера заявился ко мне Витька, разве что качеством. Сколько раз я пытался всучить Витьке приличную новую одежду под предлогом того, что мне она не нужна, но он всякий раз отвечал гордым отказом. Быть может, все дело в том, что я размера на три крупнее его, и, когда я утверждал, что при покупке ошибся размером, Витька понимал, что с моей стороны это чистая благотворительность. А в чем он нуждался меньше всего, так это в сочувствии и жалости.

Сунув во внутренний карман ветровки паспорт, а в карман джинсов ключи и бумажник, я вышел на улицу.

Витька жил через два дома от моего, так что идти мне было всего ничего.

Однако на выходе из подъезда я столкнулся с серьезной проблемой в лице соседа, проживающего на пятом этаже. Имя ему было Вадим Трепищев. И для меня не было ничего страшнее, чем столкнуться с ним на узком месте, не позволяющем улизнуть, сделав вид, что не узнал его или не заметил.

Поскольку сейчас сложилась именно такая ситуация, единственное, что мне оставалось, – это развернуться на месте, снова войти в подъезд и, запершись в квартире, дожидаться, когда Трепищев уйдет. Что я и попытался сделать. Однако Трепищев в два прыжка догнал меня, надежно ухватил за локоть и прижал грудью к двери подъезда.

– Рад, что наконец-то встретил вас, Анатолий Иванович, – с улыбкой сообщил он мне. И, похоже, ничуть не покривил при этом душой.

– Здравствуй, Вадим, – натянуто улыбнулся я, одновременно делая робкую попытку освободить локоть из его цепких пальцев.

Трепищев чуть присел и, наклонив голову, заискивающе заглянул мне в глаза.

– Вы уже прочитали книгу, которую я вам дал?

– Нет, Вадим, – смущенно отвел я глаза в сторону. – К сожалению, пока еще не успел.

Лицо Трепищева обиженно вытянулось.

– Но ведь уже прошло три с лишним месяца, Анатолий Иванович, – с укоризной произнес он.

– Да понимаешь, Вадим, все как-то времени не было. – Я вновь предпринял попытку освободить локоть и снова потерпел неудачу. – Дела, понимаешь...

– Я уже новую книгу закончил, – с прежней обидой сообщил Трепищев. – Называется «Специальный посыльный». Через пару месяцев выйдет.

– Рад за тебя...

Я уперся рукой Трепищеву в грудь, намекая таким образом, что ему следует отойти в сторону. Но мой намек остался непонятым.

Вадим Трепищев был любопытной личностью. С точки зрения психоаналитика. Он мнил себя великим писателем, создающим серьезные философские сочинения, закамуфлированные в коммерческих целях под научную фантастику. По сути же он являлся клиническим графоманом, не умеющим даже фразу составить таким образом, чтобы смысл ее был кому-то понятен. Бездарные тексты, которые он выдавал с методичностью телефакса, представляли собой глупейшие истории без начала и конца, в которые было свалено все, что Трепищеву когда-либо довелось прочитать. Ударными местами каждого романа Трепищева, которыми он особенно гордился, являлись грязные порнографические сцены, после прочтения которых появлялось подозрение, что у написавшего их серьезные проблемы не только с головой, но и в отношениях с противоположным полом. Трепищев настолько омерзительно описывал в своих книжонках сексуальные комплексы, мучающие представителей обоих полов, что, доведись ознакомиться с его текстами старику Фрейду, тот немедленно бросился бы переписывать заново все свои фундаментальные труды.

Как ни странно, Трепищеву удавалось каким-то образом призраивать свои шедевры в одном весьма уважаемом издательстве. Раз в два месяца Трепищев выдавал очередной увесистый роман, который незамедлительно публиковался. Печатался он под псевдонимом, из-за чего жутко переживал. Ему хотелось, чтобы все читатели знали его подлинное имя, но при этом считал это имя ужасно неблагозвучным, а потому выбрал себе красивый и звучный, как ему самому казалось, псевдоним: Серж Лебедев.

Признаться, я не могу себе представить человека, который, начав читать любую из книг Трепищева, не выбросил бы ее в мусорное ведро после сорока страниц. Во всяком случае,

я именно так и поступил с его первой книгой, которую он торжественно вручил мне, предварительно украсив ее дарственной надписью. Называлась она, если не ошибаюсь, «Сумерки войны». Остальные книги Трепищева отправлялись в мусорное ведро, даже не будучи раскрытыми. Однако сказать Трепищеву все, что я думаю о его писанине, у меня не хватало духу. Вначале я еще пытался деликатно намекнуть ему, что следовало бы более тщательно работать над языком и думать при этом не только о себе, но и о потенциальных читателях. Но Трепищев, похоже, пребывал в состоянии перманентной эйфории. Любую критику он воспринимал либо как происки недоброжелателей, либо как проявление низкого уровня понимания его, как он сам полагал, очень сложных и глубоких текстов. Мне он, например, в ответ на робкую попытку усомниться в его гениальности со снисходительной улыбкой заявил:

– Я бы посоветовал вам, Анатолий Иванович, еще раз перечитать книгу. И при этом непременно обратите внимание на параллели с работами Кастанеды.

Услышав такое, я понял, что проще было бы научить говорить осла, чем убедить Трепищева в том, что он всего лишь бездарный графоман. Все сложности с усвоением его текстов сводились к тому, что, дочитав предложение до конца, нужно было приложить определенное усилие, чтобы вспомнить, с чего оно начиналось. В восьми случаях из десяти мне это не удавалось. Поэтому при последующих встречах, когда Трепищев интересовался моим мнением по поводу своего очередного опуса, я с многозначительным видом показывал ему большой палец и произносил что-нибудь вроде:

– Круто!

Или:

– Забористо!

Но, обделенный вниманием критики и собратьев по цеху, Трепищев вскоре начал требовать от меня более детального разбора его произведений. При этом его не столько интересовало мое мнение, сколько хотелось выговориться самому. Именно после этого я и начал избегать встреч с ним.

– Так как же насчет «Второго императора»? – вновь задал мне вопрос Трепищев.

– Насчет кого? – искренне удивился я.

– «Второй император», мой последний роман, – напомнил писатель.

– Ах, роман... – Прежде чем продолжить, я сделал глубокий вдох. – Хороший роман, Вадим.

– Но ведь вы сказали, что не успели его прочитать, – поймал меня на слове Трепищев.

– Ну... Я успел бегло просмотреть его. Идея мне понравилась.

– Какая идея? – озадаченно сдвинул брови к переносице Трепищев.

– Основная идея романа, – объяснил ему я.

– А там была какая-то идея? – по-прежнему с недоумением спросил Трепищев.

Я понял, что разговор зашел в тупик.

– Извини, Вадим, но я действительно очень спешу. Давай поговорим о твоей книге как-нибудь в другой раз.

Для Трепищева мои слова были все равно что об стенку горох. Он и не думал оставлять меня в покое.

– Но мне хотелось узнать, что за идею вы нашли в моем романе, Анатолий Иванович, – тупо стоял он на своем. – Я, как-никак, автор.

– Слушай. – Я проникновенно заглянул в глаза Трепищеву. – А о чем вообще твоя книга?

– Какая? – быстро переспросил он.

– Да любая. Ну, к примеру, этот твой «Второй император».

На мгновение в глазах Трепищева выкристаллизовалось выражение глубокой задумчивости. Но только на одно мгновение – не более того. Я даже подумал, не померещилось ли мне

это. Потому что в следующую секунду взгляд Трепищева вновь сделался пронзительно-прозрачным, как вода в горном ручье, из которого почему-то никто не желает пить.

– Вы знаете, Анатолий Иванович, – с великолепной улыбкой сообщил он мне, – про «Второго императора» я вам ничего сказать не могу. Я уже не помню, о чем был этот роман.

Вначале мне показалось, что Трепищев шутит. Но нет, он говорил абсолютно серьезно.

– А как насчет «Сумерек войны»? – поинтересовался я.

– Да что вы! – жеманно взмахнул он рукой. – Это же было два с лишним года тому назад!

– А тот роман, который ты сейчас пишешь?.. – я щелкнул пальцами. – Как его там?

– «Специальный посыльный», – напомнил Трепищев.

– Именно, – кивнул я. – О чем он?

Трепищев с сожалением цокнул языком.

– Этого я вам сказать не могу. Роман написан меньше чем наполовину, и я пока еще сам не знаю, о чем он будет.

Признаться, такого я не ожидал даже от Трепищева.

– В таком случае что ты хочешь от меня услышать?

Чтобы выразить свое недоумение, я взмахнул руками и попытался развести их при этом как можно шире. Жест получился резким, и Трепищев был вынужден сделать короткий шаг назад.

Я только этого и добивался. Как заправский форвард команды по американскому футболу, я нырнул Трепищеву под руку, ушел от захвата, которым он попытался меня удержать, и, перейдя на бег, быстро оставил противника за спиной.

– Анатолий Иванович! – закричал вслед мне Трепищев. – Так как же насчет моей книги? Что вы о ней думаете?

– Клевая книга, Вадим. – Обернувшись и убедившись в том, что Трепищев не собирается меня преследовать, я перешел на легкую трусцу. – Продолжай в том же духе. Слава ждет тебя.

– Вы это серьезно, Анатолий Иванович?

В голосе Трепищева звучало не сомнение, а отчаянная надежда и желание поверить моим словам. Что можно было ответить человеку, который сам себя воспринимал только в полнейшем отрыве от окружающей действительности, поскольку именно так ему было проще считать себя тем, кем хотелось стать?

Я быстро свернул за угол дома, предоставив Трепищеву возможность самому решить, насколько серьезно следовало относиться к моей похвале. Но почему-то у меня не возникало ни малейших сомнений в том, что все сказанное мною будет истолковано буквально.

Дальнейший путь до дома, в котором жил Витька Кровиц, я проделал не встретив никаких препятствий.

Я почувствовал тревогу, когда увидел возле Витькиного подъезда милицейский «уазик» и «РАФ» «Скорой помощи». Чуть в стороне толклись вездесущие старушки, без которых не обходится ни одно мало-мальски заметное происшествие.

Когда я подошел к подъезду, меня остановил милиционер с лейтенантскими погонами.

– Вы куда? – окинул он меня подозрительным взглядом из-под глянцевого козырька фуражки.

– Я к знакомому, – ответил я.

– Адрес, – потребовал лейтенант.

– А что, собственно, случилось?

Ответа на свой вопрос я не получил.

– В какую квартиру вы идете?

Терпеть не могу людей, которые на вопрос отвечают вопросом. Для нашей же славной милиции подобная манера ведения диалога весьма типична.

– В сто двадцать третью, – ответил я со сдержанным негодованием. – К проживающему в ней Виктору Алексеевичу Кровицу.

– Так. – Лейтенант не спеша кивнул.

Взгляд его сделался еще более подозрительным.

– Я могу пройти? – поинтересовался я.

– Пройдемте. – Милиционер указал на дверь подъезда, ясно давая понять, что собирается подняться вместе со мной.

Возражать было бы глупо. Я вошел в подъезд и начал подниматься по лестнице, делая вид, что не замечаю шагающего следом за мной милиционера.

Витькина квартира находилась на втором этаже. Почти сразу я услышал приглушенные голоса наверху. Поднявшись на один пролет, я увидел на лестничной площадке второго этажа двух милиционеров с сержантскими погонами и одного человека в темном цивильном костюме, с аккуратно зачесанными назад короткими черными волосами.

– Товарищ капитан, – негромко произнес у меня за спиной лейтенант.

Человек в штатском оглянулся.

– Гражданин шел в сто двадцать третью. – При этих словах следовавший за мной милиционер, должно быть, указал на меня пальцем.

Одетый в штатское посмотрел на меня тусклым, безразличным ко всему взглядом и ничего не сказал. Когда я поднялся, он сделал шаг в сторону, пропуская меня на площадку.

Квартира Витьки располагалась в левом дальнем углу лестничной клетки, за небольшим выступом стены. Чтобы увидеть ее, мне нужно было сделать еще два-три шага по лестничной площадке. Но я и без того уже понимал, что случилась беда.

На месте двери я увидел только обгоревший косяк. То, что от нее осталось, лежало на соседнем пороге.

– Кем вы приходитеесь хозяину квартиры? – задал вопрос стоявший позади меня человек в штатском. Я понял, что это следователь.

– Мы с ним вместе учились, – не оборачиваясь, ответил я.

– Вы хорошо его знали?

Я резко обернулся и посмотрел в тусклые глаза следователя.

– Знал?.. Что значит «знал»?.. Вы хотите сказать, что Витька взорвался вместе с дверью?

– Давайте пройдем в квартиру. – Следователь взглядом указал на пустой дверной проем.

Не дожидаясь ответа, он обошел меня и аккуратно переступил обгоревший порог. Он как будто даже и не сомневался в том, что я последую за ним.

Войдя в квартиру, я посмотрел по сторонам. При взгляде на царивший вокруг беспорядок посторонний человек мог бы решить, что квартира разгромлена бандой налетчиков. Однако это было не так. Витька вообще не имел привычки убираться дома, а вещи, не нужные ему в данный момент, кидал где попало. А уж о том, когда в квартире последний раз делался ремонт, Витька скорее всего и сам не помнил.

Кроме нас со следователем, в квартире находилось еще несколько человек. Один, одетый в штатское, с фотоаппаратом в руках расхаживал по большой комнате, как будто выискивал наилучший ракурс для съемки. Чьи-то голоса доносились из кухни. В маленькой комнате, которую Витька солидно именовал кабинетом, проводили осмотр двое в милицейской форме. Один из них внимательно осматривал все предметы, разбросанные по комнате, и перечислял их вслух. Другой, сидя за письменным столом, все это старательно записывал в блокнот.

Как только мы со следователем вошли в кабинет, оба милиционера одновременно повернули головы в нашу сторону. Следователь сделал едва заметное движение бровями, и его коллеги мигом освободили комнату.

– Присаживайтесь. – Следователь указал мне на стул, на спинке которого висел узбекский халат. В нем Витька обычно ходил дома.

Сам он занял место во вращающемся кресле, стоявшем возле стола. Повернувшись к столу спиной, следователь положил руки на подлокотники, скрестил вытянутые ноги и выжидающе уставился на меня. Он как будто предлагал мне первому начать разговор.

– Что здесь произошло? – спросил я.

– Взрыв, – коротко ответил следователь.

– Взрыв? – непонимающе переспросил я.

Следователь молча кивнул.

– А где Витька?

– Вы видели внизу машину «Скорой помощи»?

Теперь пришла моя очередь кивнуть.

– Господин Кровиц находится сейчас в ней.

– С ним все в порядке?

– Да как вам сказать. – Следователь сделал паузу и, наклонив голову к плечу, изучающе посмотрел на меня. – Вообще-то он мертв.

Я судорожно сглотнул. Затем поднял руку и медленно провел ладонью по лицу.

– Вы хорошо знали покойного? – не дав мне прийти в себя, задал вопрос следователь.

– Мы вместе учились. И после школы поддерживали дружеские отношения.

– Часто виделись?

– Два-три раза в неделю... Я живу в двух шагах отсюда.

– Понятно, – кивнул следователь. – Кстати, как ваше имя?

– Это официальный допрос? – спросил я.

– Ну что вы, – протестующе взмахнул рукой следователь. – Просто, поскольку вы уж сами сюда пришли, я хотел бы навести у вас справки о погибшем.

– Анатолий Иванович Зверинин, – представился я, после чего назвал и свой адрес.

Следователь ничего не записывал – то ли полагался на собственную память, то ли считал эту информацию несущественной.

– Мое имя Геннадий Сергеевич Краснов, – представился он. – Я руковожу следственной группой, которой поручено расследование данного происшествия.

– Очень приятно, – ответил я совершенно невпопад.

– Где работал погибший? – задал вопрос Краснов.

– В мастерской по ремонту телеаппаратуры.

– Директор?

– Мастер.

Левая бровь следователя едва заметно приподнялась – его как будто не устраивало то, что Витька был простым мастером.

– И больше ничем другим он не занимался?

– Нет.

Следователь хмыкнул и постучал пальцами по столу.

– Странно... Очень странно...

– Что именно? – решился полюбопытствовать я.

Следователь посмотрел на меня так, словно подозревал в том, что я говорю далеко не все, что знаю.

– Господин Кровиц погиб не в результате несчастного случая, – произнес он после незначительной паузы. – Это было убийство. Причем организованное весьма профессионально. Мощный направленный заряд был установлен по всему периметру двери и сработал в тот момент, когда покойный вставил ключ в дверной замок. Господин Кровиц был убит ударом взрывной волны. Взрыв был направлен так, что жертва покушения не имела ни единого шанса остаться в живых. Наши эксперты не смогли обнаружить никаких следов, по которым можно

было бы установить тип взрывного устройства и использованное в нем взрывчатое вещество. Абсолютно никаких следов. Все было уничтожено при взрыве.

– Когда это произошло? – спросил я.

Следователь посмотрел на часы.

– Около двух часов тому назад. У вас имеются какие-нибудь предположения относительно мотивов убийства?

– Нет, – качнул головой я.

– Когда вы последний раз виделись с покойным?

– Вчера вечером.

– Как он вел себя?

– Как обычно.

– Быть может, он высказывал какие-нибудь опасения?

– Нет, – уверенно ответил я. – Мы просто посидели, попили чаю, поболтали о всякой ерунде и в начале одиннадцатого разошлись.

– А зачем вы сегодня пришли к господину Кровицу?

На мгновение я растерялся.

– Просто так...

Следователь подозрительно прищурился.

– Не успели что-то договорить вчера вечером?

– У нас с Витькой всегда есть о чем поговорить.

– Понимаю. – Не сводя с меня взгляда тусклых глаз, следователь слегка повел головой сверху вниз.

Собственно, все, что мне было нужно, я уже узнал. Продолжать разговор далее не имело смысла. Я сунул руку в карман ветровки, нашел там связку ключей, зажал в кулаке грушевидный брелок и сильно надавил большим пальцем на тугую кнопку.

Глава 3

В первый момент после того, как сработал клиппер, я не заметил никаких изменений. Но я знал, что реальность должна была хоть в чем-то стать иной.

Присмотревшись, я обнаружил, что портрет Сида Барретта, висевший на одной кнопке у Витьки над столом, съехал чуть в сторону. А на носу у следователя Краснова появился крошечный прыщик.

– Как вы думаете, где сейчас может находиться господин Кровиц? – спросил следователь.

– Не знаю, – совершенно искренне признался я. – Может быть, на работе. А может быть, просто вышел за сигаретами, встретил кого-нибудь из знакомых и заболтался.

– Вам известен адрес мастерской, в которой работает господин Кровиц?

Витькина контора находилась в двух автобусных остановках от дома, но в ответ на вопрос следователя я отрицательно покачал головой.

– Ну что ж. – Краснов поднялся из кресла и слегка развел руки в стороны. – В таком случае у меня к вам больше нет вопросов.

Я тоже встал, но, прежде чем уйти, поинтересовался:

– А при взрыве никто не пострадал?

– По счастью, нет. Детонатор взрывного устройства, установленного на двери господина Кровица, был настолько чувствительным, что сработал, когда сосед напротив сильно хлопнул дверью. Соседу повезло, что он захлопнул дверь войдя в квартиру, а не выходя из нее.

– На все воля случая, – улыбнулся я.

Следователь, похоже, был не согласен с моим фаталистическим отношением к случившемуся.

– Видите ли, Анатолий Иванович, просто так, ради забавы, никто не станет взрывать дверь никому не известного мастера по ремонту телеаппаратуры, – сказал он, скрестив руки на животе. – Так что, если вспомните что-нибудь, что, по вашему мнению, могло бы заинтересовать нас, непременно позвоните.

Краснов достал из нагрудного кармана визитную карточку и протянул ее мне.

Я взял карточку и, даже не взглянув на нее, сунул в карман. Сейчас мне хотелось как можно скорее уйти отсюда. Мне нужно было остаться одному, чтобы как следует все обдумать и решить, что делать дальше.

Раскланявшись со следователем Красновым, я вышел из крохотного кабинета. Пройдя под подозрительными взглядами милиционеров через прихожую, я покинул квартиру, сбежал вниз по лестнице и, хлопнув дверью парадного, выбежал на улицу.

На улице было жарко. Пахло пылью, горячим асфальтом и завядшей травой. День сегодня был ясным и солнечным, что вовсе не поднимало мне настроения.

Проведя тыльной стороной ладони по лбу, я вытер выступившую испарину.

Милицейский «уазик» и машина «Скорой помощи» стояли там же, где и прежде. Только два врача в белых халатах теперь лениво курили возле открытой дверцы кабины водителя. А дотошные старушки о чем-то придирчиво расспрашивали молодого милиционерчика с чистыми погонами.

Добежав до дома и, по счастью, не встретив вновь возле подъезда Трепищева, я первым делом кинулся к телефону. Набрал Витькин рабочий номер и слушая бесконечно долгие гудки в телефонной трубке, я от нетерпения едва не приплясывал на месте.

Наконец на другом конце линии кто-то снял трубку.

– Алёу, – протяжно произнес томный женский голос.

– Мне Кровица, – коротко бросил я.

В ответ раздался отрывистый звук, после которого можно было ожидать, что трубка незамедлительно будет брошена на рычаг.

Но, к величайшему моему изумлению, вместо частой серии коротких гудков отбоя я услышал пронзительный крик:

– Кровиц!.. Виктор!.. Тебя к телефону!..

– Слушаю, – раздался спустя какое-то время голос Витьки.

– Это я, Анатолий, – назвался я.

– О! – радостно воскликнул ни о чем не подозревающий приятель.

– Слушай, Витька, немедленно бросай все дела и чеши ко мне.

– А что случилось? – удивился Кровиц.

– Узнаешь, когда придешь.

– Вообще-то у меня тут дела, – с неохотой протянул Витька.

Должно быть, за то время, что он сидел дома, в конторе накопилась гора работы. И шеф, как всегда, пригрозил Витьке, что если он не разгребет ее за пару дней, то может искать себе другую контору.

– Помнишь своих вчерашних пришельцев из будущего? – вкрадчивым голосом спросил я у Витьки.

– Ну...

– Дело касается их.

Несколько секунд из трубки не доносилось ни звука.

Наконец я услышал:

– Ты это серьезно?

Вопрос был задан в высшей степени недоверчиво. Еще бы, за все время знакомства я, наверное, ни разу не отреагировал на Витькины истории так, как ему этого хотелось бы.

– Абсолютно серьезно, – недрогнувшим голосом ответил я. – Мне стали известны факты, имеющие к ним непосредственное отношение... Короче, бросай все и приходи.

– Буду через двадцать минут, – решительно произнес Витька.

Нажав кнопку отбоя, я положил трубку на стол и тяжело вздохнул. Ну хорошо, мне удалось перехватить Витьку у следователей. А что дальше?

На этот вопрос у меня ответа пока не было. Такой сложной ситуации, как сегодня, в моей практике еще ни разу не возникало. Воспользовавшись клиппером, я отыскал новый вариант реальности, в котором Витька остался жив. Но я не мог продолжать поиски до тех пор, пока не найдется вариант, в котором взрыва, выбившего дверь в Витькиной квартире, вообще не было. Кроме того, кто-то же заминировал Витькину дверь. Не найдя ответа на вопрос, кому это было нужно, я не мог быть спокоен за дальнейшую судьбу Витьки Кровица. А следовательно, и за свою собственную.

Тяжело вздохнув, я прошел на кухню, включил плиту и поставил на нее чайник.

Когда вода закипела, я заварил зеленого китайского чая, который, по моему мнению, бодрит и проясняет мозги намного эффективнее черного. Поставив на поднос заварной чайник и две кружки, я отнес все это в комнату.

Налив себе чаю, я сел в кресло и, закинув ногу на ногу, погрузился в невеселые раздумья.

Перспектива вырисовывалась невеселая. Кто-то пытался убить Витьку Кровица. Спрашивается, кому он был нужен, этот Витька? Если и должен был кому, так десятку, не более. Из-за такого долга никто дверь взрывать не станет – взрывчатка стоит дороже. Ошибка или дурацкая шутка также исключались, поскольку следователь был уверен, что здесь работал профессионал.

Зайдя в тупик, я невольно вновь начал перебирать то, что рассказывал Витька вчера вечером о странных типах, наблюдавших за ним, которых сам он называл пришельцами из будущего. В том, что они не были людьми будущего, я был уверен на все сто процентов. Но

кто они в таком случае? Я надеялся, что Витька, который должен был прийти с минуты на минуту, ответит на некоторые из имевшихся у меня вопросов. Или хотя бы даст какую-нибудь подсказку.

Когда прозвенел звонок, я сорвался с места и кинулся к двери.

На пороге стоял незнакомый мне мужчина, одетый в строгий серый костюм, отливающий серебром. Большой треугольный узел темно-синего галстука поддерживал воротник безукоризненно белой рубашки.

– Мне нужен Виктор Кровиц, – произнес незнакомец сухим, бесцветным голосом.

– Вы ошиблись адресом, – в том же тоне ответил я и попытался захлопнуть дверь.

Вытянув руку, незнакомец помешал мне это сделать.

– Я знаю, что Виктор Кровиц здесь не живет, – заявил он, глядя на меня безразличным взглядом, словно я был автоматом, выдающим справки. – Но поскольку на работе его тоже нет, я полагаю, что он мог бы находиться у вас.

– Нет, – коротко ответил я и вновь попытался закрыть дверь.

Незнакомец не двинулся с места. Прямо Терминатор какой-то. Вот только комплекция не та.

– И вы не знаете, где бы я мог его найти? Он нужен мне по очень важному делу.

– А почему бы вам не зайти к нему домой? – предложил я.

– Там я уже был, – ответил незнакомец.

– И что?

Незнакомец ничего не ответил.

– Вы надеетесь, что я предложу вам чашку чаю? – спросил я.

– Нет, – ответил он.

– Так в чем же дело? Если хотите, можете оставить свою визитку, и я передам ее Виктору, как только увижусь с ним. Это все, что я могу для вас сделать.

Я не мог найти определения тому странному состоянию, в котором пребывал незнакомец. Это не было ни задумчивостью, ни растерянностью, ни даже погруженностью в собственные мысли. Он просто стоял на месте и чего-то ждал. При этом вид у него был такой, словно он находился в пустоте. Как будто не было рядом ни меня, ни стен, ни лестницы, по которой он поднялся, чтобы оказаться возле моей квартиры. Глядя на него, я снова вспомнил вчерашние Витькины слова. О парочке в костюмах от Версаче, которая, как он полагал, следила за ним. Он говорил, что вид у них был абсолютно безразличный ко всему, что происходило вокруг. То же самое я мог бы сказать и о моем странном госте.

– Уважаемый. – Мне захотелось поднять руку и шелкнуть пальцами перед его носом, чтобы убедиться в том, что он все же реагирует на мое присутствие. – Чем я еще могу вам помочь?

Незнакомец вновь ничего не ответил.

Я начал подумывать над альтернативным способом выдворения чужака за пределы моей квартиры, которым мог стать как вызов милиции, так и обычный удар чем-нибудь тяжелым по голове. Но я еще не успел прийти ни к какому решению, когда внизу хлопнула дверь подъезда. В принципе, это мог быть кто угодно. Но я был уверен, что в подъезд вошел Витька.

Я лихорадочно пытался сообразить, что же делать, а шаги по лестнице быстро поднимались вверх.

Вот они уже миновали второй этаж. Еще две-три секунды, и человек, поднимающийся по лестнице, покажется на площадке между вторым и третьим этажом.

– Эй, послушайте! – произнес я нарочито громко, чтобы Витька смог меня услышать. – Если вам нужен Виктор Кровиц, то вы пришли не по адресу! Он, случается, заходит ко мне, но в последнее время крайне редко!

С того места, где я стоял, мне были видны только три верхние ступеньки лестничного пролета. То, что Витька не понял меня, мне стало ясно, когда незнакомец сделал два шага назад, одновременно разворачиваясь лицом в сторону лестницы.

Расстегнув большим пальцем пуговицу на пиджаке, он откинул в сторону полу и сунул правую руку под мышку. Когда его рука вновь появилась в поле моего зрения, в ней был зажат пистолет с глушителем. Я совершенно не разбираюсь в оружии, но могу с уверенностью сказать, что пистолет был самый что ни на есть обычный – такой можно увидеть в любом фильме про шпионов.

Я быстро глянул по сторонам, схватил за ножку табурет, стоявший в прихожей, и вместе с ним выбежал на лестничную площадку.

Я не успел даже замахнуться на незнакомца с пистолетом, когда он нажал на спусковой крючок. Раз, а затем еще один раз. После чего на его лице появилось выражение, какое бывает у человека, с честью справившегося с поставленной перед ним задачей.

Опустив руку с табуретом, я посмотрел на лестницу. На нижних ступенях лицом вниз лежал Витька.

Я быстро перевел взгляд на незнакомца.

Тот даже не взглянул в мою сторону. Как будто меня для него и вовсе не существовало. Уставившись куда-то поверх моего левого плеча, он сделал шаг в сторону, чтобы обойти меня и выйти на лестницу.

У меня не оставалось другого выхода. Я сунул руку в карман, нашел там связку ключей и нажал пальцем на кнопку клипера.

Не знаю, что тому было причиной – то, что я уже во второй раз за сегодняшний день воспользовался клипером, или же то, что мертвое тело Витьки Кровица находилось всего в нескольких шагах от меня, – только в момент изменения реальности я увидел, как по всему, что меня окружало, прошла легкая рябь. Такого я никогда прежде не видел. Это было похоже на то, как плывут и немного искажаются очертания предметов в потоках горячего воздуха.

Но размышлять над тем, что бы это могло означать, времени не было. Поскольку я был единственным из присутствующих, готовым к изменению реальности, у меня в запасе имелась пара секунд для того, чтобы воспользоваться этим преимуществом. Даже не обернувшись назад, чтобы узнать, как там Витька, я поднял табурет и опустил его на голову человека с пистолетом.

Незнакомец все же успел еще раз нажать на курок – я услышал, как что-то, должно быть, пуля, просвистело у меня над ухом, – после чего колени его подломились, и он упал на четвереньки. Но он все еще был в сознании. Поэтому я еще раз поднял табурет и ударил им незнакомца по затылку. Человек растянулся на лестничной площадке, раскинув руки в стороны.

– Черт возьми! – услышал я знакомый голос Витьки.

Он произнес эту фразу так, словно вляпался ногами в грязь и теперь не знал, как из нее выбраться с наименьшим ущербом для обуви.

Я посмотрел на Витьку. По левой щеке его стекала тоненькая струйка крови.

– Ты ранен?

Витька приложил руку к щеке и посмотрел на окровавленные пальцы.

– Осколком штукатурки задело. – Он посмотрел на стену, пытаясь найти место, куда угодили предназначавшиеся ему пули. Но выбоин на стене не было. – Уму непостижимо. Этот тип стрелял в меня три раза с расстояния в три метра и все три раза промахнулся. Это плохо даже для любителя.

– Ладно, – наклонившись, я поднял пистолет и сунул его за пояс, – помоги мне затащить этого любителя в квартиру.

Вместе с Витькой, взяв за руки и за ноги, мы втащили бесчувственное тело незнакомца в мое жилище.

Почти с облегчением я захлопнул дверь.

– Это один из тех, кто наблюдал за мной вчера, – сообщил Витька.

– Я так и думал.

Достав рулон клейкой ленты, я перевернул незнакомца на бок, завел его руки за спину и перетянул их в запястьях. Затем точно так же перетянул лентой ноги нашего пленника в щиколотках и в коленях.

– Брюки испортишь, – заметил при этом Витька.

Я только бросил на него быстрый взгляд и не стал отвечать. Вряд ли, помимо Витьки Кровица, найдется другой человек, который стал бы беспокоиться о сохранности брюк того, кто только что пытался его убить.

Я говорю «пытался», исходя из условий той реальности, в которой мы сейчас находились. Во многих других реальностях, отошедших от доминанты, у Витьки не было бы возможности выказать сочувствие своему убийце. Не говоря уж о том, что в сотне других реальностей он пару часов назад был убит неопознанным взрывным устройством, установленным на двери его квартиры.

– Пистолет у тебя? – спросил Витька.

– Зачем он тебе? – посмотрел я на него.

– Как это зачем? – удивленно вскинул брови Витька. – Меня хотят убить. Значит, мне нужно оружие для самозащиты.

– Тебе уже приходилось стрелять из пистолета?

– Нет. Но думаю, что это несложно.

Я тряхнул головой, пытаюсь прийти в себя и придать мыслям ясность.

– Что это за тип? – спросил я, указав взглядом на бесчувственное тело, лежавшее в моей прихожей.

– Я же сказал, это один из тех, кто следил за мной вчера, – ответил Витька.

– Да, это я уже знаю. Но кто он такой?

– Пришелец из будущего, – уверенно ответил Витька.

– Кончай молоть чепуху! – раздраженно взмахнул я руками. – Этот тип пытался застрелить тебя из самого обыкновенного пистолета с глушителем!

– Конечно. А ты думал, что он притащит с собой из будущего какое-нибудь фантастическое оружие? Моя смерть должна выглядеть естественно, чтобы не вызвать никаких подозрений.

– Ты знаешь, что твою квартиру взорвали?

– Да ну? – изумленно вытаращился на меня Витька.

– Ну, то есть не всю квартиру, – поправился я. – А только входную дверь. Детонатор должен был сработать, когда ты вставишь ключ в замок.

– Ну дела. – Витька озадаченно провел рукой по волосам ото лба к затылку.

– В какую историю ты вляпался?

– Анатолий! – Витька клятвенно приложил ладонь к груди. – Я чист, как поцелуй младенца!

– Почему же в таком случае тебя хотят убить?

Витька наклонил голову к плечу и посмотрел на меня, как будто прося о снисхождении.

– Версия о пришельцах из будущего тебя не устраивает?

– Нет! – отрубил я.

Перевернув бесчувственное тело незнакомца на спину, я принялся изучать содержимое его карманов.

Собственно, изучать там было нечего. В карманах у киллера было пусто. То есть вообще ничего: ни документов, ни ключей, ни визитных карточек, ни использованных транспортных билетов, ни носового платка.

- Ну что? – спросил Витька, с интересом наблюдавший за моей деятельностью.
- Ничего, – ответил я, устало опускаясь на пол.

Витька заглянул в комнату.

- Ты чай заварил?

– Да, – вяло кивнул я.

Витька прошел в комнату и налил себе чаю.

Сделав лишь глоток, он скорчил отвратительную гримасу.

- Что это за дрянь?

– «Черный дракон», – ответил я.

- Черный?

– «Черный дракон» – это сорт зеленого чая.

– С таким же успехом можно заваривать полынь. – Витька поставил кружку на стол.

– Тебя сейчас беспокоит только качество чая? – с недоумением посмотрел я на расхаживающего по комнате приятеля.

– Нет, – тряхнул он головой, не прекращая движения. – Я просто пытаюсь отыскать какую-то опору в реальности.

Мне бы, наверное, следовало усмехнуться. Мне-то точно было известно, что реальность – это только иллюзия. Но мне, право же, сейчас было не до смеха.

- Что будем делать? – спросил я.

– Не знаю, – с довольно-таки безразличным видом пожал плечами Витька. – Если эти типы поставили перед собой задачу убить меня, то рано или поздно они это сделают.

- Может быть, вызовем милицию? – предложил я.

– И что мы им скажем?

– У нас есть убийца.

Посмотрев на незнакомца, по-прежнему не подававшего признаков жизни, Витька с сомнением покачал головой.

– Я уверен, что у милиции нет на него никаких данных. Кроме того, он же действовал не один. Найдутся и другие, которые сумеют-таки прикончить меня.

- Для того чтобы разобраться с этим, нам нужно понять, почему тебя хотят убить.

– Не имею ни малейшего представления! – всплеснул руками Витька. – Должно быть, я чем-то мешаю будущему.

- Бред!

– Предложи другую версию.

– Ты что-то скрываешь от меня.

– Анатолий, клянусь тебе, я не замешан ни в чем противозаконном и не имею понятия, из-за чего на меня началась охота.

- Проклятье! – в сердцах выругался я.

– Извини, – тихо и чуть-чуть смущенно произнес Витька.

– Да ладно тебе, – махнул я рукой. – Как-нибудь разберемся.

– Может быть, – не очень уверенно ответил Витька. – Но из-за меня ты и сегодня пропустил повтор вчерашней серии «Секретных материалов».

Глава 4

Я еще раздумывал над тем, что ответить на совершенно неуместное в данной ситуации замечание Витьки по поводу «Секретных материалов», когда пропел дверной звонок.

Мы с Витькой настороженно посмотрели друг на друга.

– Кто это? – шепотом спросил Витька.

– Откуда я знаю, – так же тихо ответил я.

– Будем открывать?

– По-моему, не стоит.

Звонок вновь пропел свою трель.

– Сделаем вид, что никого нет дома.

Не успел я это сказать, как зазвонил телефон.

Определитель номера выдал только первую цифру «9», за которой последовала серия прочерков.

– Не отвечай! – прошептал Витька, когда я протянул руку к телефонной трубке. – Быть может, они проверяют, дома мы или нет.

– Если бы им нужно было удостовериться, есть ли кто дома, они послали бы летающий глаз, который ты видел в своем окне, – возразил я. – Если это звонят они, следовательно, они знают, что мы дома, и хотят с нами поговорить.

– Логично, – кивнул Витька.

Я снял трубку.

– Слушаю.

– Господин Зверинин, – ответил мне спокойный и уверенный мужской голос. – Я надеюсь, вы разумный человек и понимаете, что в случае необходимости мы сможем без труда открыть замок вашей квартиры. Но лично мне не хотелось бы прибегать к чрезвычайным мерам. Откройте дверь, и мы обо всем спокойно поговорим.

– Кто вы? – спросил я сдавленным голосом.

Ответ последовал незамедлительно:

– Это не имеет ровным счетом никакого значения. Но если вам непременно хочется услышать какое-то определение, давайте скажем так: мы представители секретной службы, занимающейся вопросами глобальной безопасности.

– Я никогда не слышал о такой.

– Естественно. Мы не афишируем своей деятельности.

– Кто это? – одними губами спросил Витька.

Я только недовольно поморщился и махнул на него рукой – молчи, мол!

– Я частное лицо и не имею никакого отношения к вопросам национальной безопасности.

– Глобальной, – мягко поправил меня собеседник.

– Тем более!

– Уверяю вас, Анатолий Иванович, лично к вам у нас нет никаких претензий. Если бы это было не так, мы действовали бы иначе. Мы быстро разберемся с нашей небольшой проблемой, и вы навсегда забудете о встрече с нами.

– Вам нужен Кровиц?

Незначительная пауза, затем ответ:

– К нему у нас имеется несколько вопросов.

– А тот тип, который сейчас лежит у меня в прихожей, тоже из вашей спецслужбы?

– Я не понимаю, о ком идет речь.

– За сегодняшний день Витьку уже дважды пытались убить.

– Откройте дверь, Анатолий Иванович, и мы разберемся с этой ситуацией.

- Какие вы мне можете дать гарантии?
- Гарантии чего? – не понял собеседник.
- Гарантии того, что с нами ничего не случится?
- С вами ничего не случится, – спокойно и уверенно повторил следом за мной голос в телефонной трубке. Настолько спокойно, что я ему не поверил. – Я жду, Анатолий Иванович.
- Хорошо, – сказал я и нажал кнопку отбоя.
- Ну что? – с ожиданием посмотрел на меня Витька.
- Они пришли за тобой.
- Витька удивленно вскинул брови едва ли не к самой середине лба.
- Кто они?
- Какая-то служба глобальной безопасности. – Я заглянул Витьке в глаза. – Последний раз тебя спрашиваю: в какую историю ты вляпался?
- Да ни в какую! – с отчаянием взмахнул одновременно обеими руками Витька. – Представления не имею, что этим мужикам от меня нужно!.. – Чуть подумав, он все же добавил: – Если только они не из будущего.
- Оставь будущее в покое, – недовольно поморщился я.
- Витька отвел взгляд в сторону. По-моему, он обиделся на меня за то, что я упорно не желал принимать всерьез его версию о пришельцах из грядущего.
- В дверь снова позвонили. На этот раз долго и требовательно.
- Я вызываю милицию, – сказал я, пристально глядя на Витьку.
- Вызывай, – безразличным голосом ответил он. – Только не думаю, что милиция здесь поможет.
- Я быстро набрал номер районного отделения милиции и поднес трубку к уху.
- Глупо, Анатолий Иванович, – услышал я голос своего недавнего собеседника.
- Ничего не ответив, я нажал кнопку отбоя и в сердцах швырнул трубку на кровать.
- Что? – спросил Витька.
- Они заблокировали линию, – ответил я.
- Этого следовало ожидать.
- Если ты у нас такой умный, – с неожиданной злостью посмотрел я на Витьку, – то скажи, что нам теперь делать.
- Ничего, – спокойно ответил Витька. – Нужно открыть дверь. Иначе они сами ее вскроют.
- У нас есть заложник, – не очень уверенно произнес я, указывая на пленника.
- Брось, – вяло махнул рукой Витька. – Их на это не возьмешь.
- Снова запел звонок.
- Я подошел к двери и открыл ее.
- На пороге стоял мужчина лет сорока с усталым выражением лица и благородной сединой в зачесанных назад темно-русых волосах. За спиной у него молча глазели трое парней, как две капли воды похожих на того, что лежал связанным на полу у меня в прихожей. Все четверо были одеты в одинаковые серые костюмы с серебристым отливом.
- Вы позволите нам войти? – вежливо обратился ко мне старший.
- Можно подумать, что у меня есть какой-то выбор, – криво усмехнулся я и сделал шаг в сторону.
- Старший сразу же прошел в комнату, даже не взглянув на того, что лежал на полу. Сопровождавшая его тройка, войдя в квартиру, задержалась в прихожей. Вошедший последним аккуратно, почти неслышно прикрыл за собой дверь.
- Развяжите его, – бросил через плечо старший.
- Двое из сопровождавших его парней тут же кинулись выполнять приказ.

– Так, значит, это все же ваш человек? – с укором произнес я, глядя на узкую спину старшего.

Мужчина обернулся и скользнул по мне безразличным взглядом.

– Разве это имеет какое-то значение? – сухо произнес он.

– Вы мне солгали.

– Ну и что?

Я смотрел на невыразительное лицо своего собеседника и не знал, что ответить на подобную беспардонность. Что бы я ни сказал, не имело для него абсолютно никакого значения. Казалось, ему приходилось прилагать определенное усилие, чтобы не забывать о самом моем присутствии. Не понимаю, почему он вообще разговаривал со мной.

– Простите, как мне к вам обращаться? – спросил я, догадываясь, что вряд ли получу ответ на свой вопрос.

К моему удивлению, мужчина ответил:

– Мое имя Одиссей.

– Одиссей, – автоматически повторил я следом за ним. – Это кодовое имя?

– Нет, это мое настоящее имя.

Витька, стоявший все это время в глубине комнаты возле книжного стола, сделал шаг по направлению к мужчине, назвавшемуся Одиссеем.

– Давайте наконец покончим со всем этим! – Он нервно дернул подбородком, как будто в горле у него застрял кусок пищи, который он никак не мог проглотить. – Что вам от меня нужно?

Одиссей не спеша повернул голову и перевел взгляд на Витьку.

– Мы хотим, чтобы вы проследовали вместе с нами.

– Куда?

– Внизу нас ждет машина. Мы проедем в наш центральный офис.

– Зачем?

– Вы обо всем узнаете на месте.

– За сегодняшний день вы уже дважды пытались меня убить.

Одиссей ничего не ответил. Медленным, плавным движением он отвел руки назад и сцепил их за спиной.

Я посмотрел на подручных Одиссея, которые занимались парнем, стрелявшим в Витьку. Они уже освободили его от пут, и теперь один из них пытался привести своего приятеля в чувство, поднося ему к носу ампулу с какой-то бесцветной жидкостью. Но это был не нашатырь – иначе я уже почувствовал бы запах.

– Почему бы вам не пристрелить меня прямо здесь? – Глядя Одиссею в глаза, Витька с вызовом вскинул подбородок, покрытый двухдневной щетиной.

– Мне не хотелось бы, чтобы у господина Зверинина возникли из-за нас какие-то неприятности, – спокойно ответил ему Одиссей.

Я сделал два небольших шага в сторону, так чтобы Одиссей оказался между мной и парнями в коридоре. Достав из-под ветровки пистолет, я приставил его к виску Одиссея.

– А теперь слушай, что я тебе скажу, – тихим, угрожающе-зловещим, как мне казалось, голосом произнес я. – Не делай движений, иначе я вышибу тебе мозги.

– Серьезно? – недрогнувшим голосом спросил Одиссей.

– Не сомневайся, – заверил его я. – Скажи подручным, чтобы забирали своего приятеля и убирались вон из моей квартиры.

Я краем глаза посмотрел на парней в прихожей. Двое из них совершенно спокойно наблюдали за происходящим. Третий не прекращал попыток привести в чувство того, которого я огрел табуретом по голове. Похоже, их совершенно не беспокоило то, что их шеф оказался у меня в заложниках.

– Интересно, что вы собираетесь делать, Анатолий Иванович? – спросил Одиссей. – Допустим, мои люди покинут вашу квартиру. Что дальше?

– Потом все узнаешь, – ответил я.

Признаться, я представления не имел, что буду делать, оставшись в квартире с заложником. Телефонная линия была заблокирована, а значит, вызвать помощь не представлялось возможным. Оставались еще балкон и окна, крича через которые можно было попытаться привлечь к себе внимание. Но мне почему-то казалось, что команда Одиссея все предусмотрела и позаботилась о том, чтобы каким-то образом лишить нас и этой возможности связаться с внешним миром. Я пока еще не знал, что мы с Витькой могли бы предпринять для своего спасения, но сейчас мне представлялось важным просто выставить этих бандюг из своей квартиры. Мне нужен был тайм-аут, чтобы собраться с мыслями и попробовать разобраться в происходящем. Кроме того, с нами оставался Одиссей, которого можно попытаться разговорить, чтобы выяснить наконец, что ему или тем, кто его послал, нужно от Витьки.

– Ну? – Я не сильно, но требовательно ткнул Одиссея дулом пистолета в висок.

– Глупо, Анатолий Иванович, – произнес Одиссей и спокойно повернулся ко мне лицом. Теперь дуло пистолета смотрело ему точно между глаз, равнодушных и бесчувственных.

– Что вы теперь будете делать, господин Зверинин?

Не получив ответа, Одиссей медленно поднял руку и положил ее на ствол пистолета.

Мне следовало бы нажать на курок, но я не смог этого сделать. Изображать крутого парня с пистолетом в руке легко, когда не видишь глаз того, в кого целишься. Даже если это такие холодные и безразличные ко всему глаза.

Одиссей забрал пистолет из моей руки и кинул его одному из своих подручных. Парень поймал пистолет, свинтил с него глушитель и сунул под пиджак за пояс.

– Итак, на чем мы остановились? – обратился Одиссей к Витьке так, будто ничего и не произошло.

Витька посмотрел на меня и, словно извиняясь за что-то, развел руками.

– Я пойду с ними, – сказал он. И после небольшой паузы добавил: – А что еще мне остается?

– Разумно, – едва заметно наклонил голову Одиссей.

Я стоял молча, не зная, что сказать.

Витька еще раз совершенно потерянно и беспомощно приподнял руки и изобразил на лице какое-то жуткое подобие усмешки, после чего медленным шагом направился в прихожую.

Прежде чем последовать за ним, Одиссей повернулся ко мне.

– Изините за причиненное беспокойство, господин Зверинин, – произнес он с холодной учтивостью. – Надеюсь, вы понимаете, что для вас же будет лучше, если вы просто забудете о нашей встрече.

Не дожидаясь ответа, он повернулся ко мне спиной и пошел к выходу из квартиры.

Один из его парней открыл дверь и пропустил в нее Витьку, следом за которым тотчас же вышел тип в серо-серебристом костюме. Другой подручный Одиссея помогал выйти из квартиры парню, которого я огрел табуретом. Тот все еще пребывал в полубесчувственном состоянии, но, оказавшись на пороге, неожиданно цепко ухватился рукой за косяк.

– В чем дело? – обратился к нему Одиссей.

Парень обернулся и посмотрел в мою сторону.

– У него клиппер, – с трудом произнес он.

Одиссей тут же развернулся назад. Впервые я увидел в его глазах что-то похожее на интерес.

– У вас есть клиппер, господин Зверинин? – спросил он.

– Не понимаю, о чем идет речь, – ответил я и, сунув руку в карман, зажал в кулаке брелок.

– Давайте не будем играть в детские игры, Анатолий Иванович.

Одиссей сделал шаг в мою сторону, и я изо всех сил надавил на кнопку клиппера.

Конечно же, это было глупо. Изменения реальности не произошло, потому что в данной реальности Витька пока еще был жив. Но это было последнее, что я мог сделать, пытаюсь спасти себя.

В голове у меня все окончательно перепуталось. Витька с удивительным упорством твердил мне, что за ним следят люди из будущего, а я с не меньшим упорством отказывался ему верить. Но если Одиссею и его парням было известно о клиппере, значит, они и в самом деле явились из будущего. Но ведь они же сами его мне и дали! Или же о клиппере каким-то образом стало известно одной из современных спецслужб? В таком случае им с самого начала был нужен я, а не Витька! И к тому же не мертвый, а живой!

Подойдя ко мне, Одиссей протянул руку и слегка шевельнул пальцами.

– Дайте мне ваш клиппер, господин Зверинин.

Я стоял, не вынимая руку из кармана, зажав в кулаке связку ключей с брелоком.

Одиссей с укоризной наклонил голову к плечу.

– Не вынуждайте меня использовать силу, Анатолий Иванович.

Я достал из кармана связку ключей и кинул ее в протянутую ладонь.

Одиссей аккуратно снял брелок с кольца и вернул мне ключи.

Внимательно осмотрев брелок-клиппер, он обернулся к своим подручным и с непонятной мне многозначительностью произнес:

– Работа хайперов.

Сказав это, он спрятал клиппер в карман и вновь посмотрел на меня.

– Ситуация меняется, и, к сожалению, не в лучшую для вас сторону, господин Зверинин. Боюсь, что вам также придется проследовать с нами.

– А если я откажусь? – без особой надежды, просто так, для проформы, поинтересовался я.

– Вам ведь уже известен мой ответ, господин Зверинин, – вновь с укоризной посмотрел на меня Одиссей.

Я пожал плечами и пошел к выходу из квартиры.

Одиссей не стал мешать мне, когда я задержался, чтобы запереть дверь на оба замка.

В какой-то степени это меня обнадежило. Я попытался убедить себя в том, что, если Одиссей позволил мне аккуратно запереть дверь, следовательно, он не исключал возможность того, что я еще могу вернуться домой.

Выйдя в сопровождении Одиссея на улицу, я увидел синий микроавтобус «Форд», стоявший прямо напротив подъезда. В заднем салоне машины окон не было. За рулем сидел один из парней в серо-стальном костюме. Хотя, может быть, водитель был просто похож на тех, что заходили ко мне в квартиру.

Одиссей сделал приглашающий жест рукой, указывая мне на чуть приоткрытую дверцу салона микроавтобуса.

Едва я заглянул в салон, как меня тотчас же подхватили под руки и буквально занесли в машину. Я оказался на мягком сиденье, тянущемся вдоль салона, зажатый между двумя парнями Одиссея. Напротив меня сидел Витька, также в окружении двух приставленных к нему надзирателей. Парень, получивший табуретом по голове, примостился в стороне от всех, в дальнем конце салона.

Водительскую кабину отделяла от салона непрозрачная перегородка. Освещала салон небольшая, но яркая лампочка под потолком.

Хлопнула дверца кабины – должно быть, это Одиссей занял свое место рядом с водителем. Машина тронулась с места и медленно поехала вперед. Через минуту она повернула налево и, по всей видимости, выехав на основную трассу, прибавила скорость.

– Куда мы едем? – спросил у меня Витька, искоса наблюдая за реакцией своих надзирателей.

Лица парней остались равнодушными и безучастными. Должно быть, им не было приказано пресекать наши разговоры.

– Представления не имею, – дернул плечом я.

– А мне показалось... – Витька умолк, не закончив начатую фразу. – Впрочем... – Он махнул рукой и отвернулся в сторону.

Витька не хотел со мной разговаривать.

И я не мог осуждать его за это. Хотя и не чувствовал за собой никакой вины.

Глава 5

Мы ехали ровно сорок три минуты – у меня на руке были часы с секундомером, и я точно засекал время, хотя и сам не знаю для чего. Вначале я даже пытался считать повороты и мысленно накладывать их на карту Москвы, чтобы хотя бы примерно определить, куда мы едем. Но вскоре я бросил это пустое занятие – если сам не водишь машину, то никогда не выучишь всех московских дорог.

Когда машина остановилась, один из братьев-близнецов, приставленных наблюдать за нами с Витькой, чуть приоткрыл дверцу и выглянул наружу. Перекинувшись с кем-то, находившимся снаружи, парой слов, он широко раскрыл дверцу, выпрыгнул из машины и жестом приказал нам выходить.

Покинув микроавтобус, я первым делом посмотрел по сторонам.

Машина стояла во двореке старинного трехэтажного особняка, типичного для Замоскворечья. Вдоль ограды росли старые разлапистые липы, клены и акации, не позволявшие увидеть ничего, что находилось за пределами дворика.

Нас с Витькой быстро подвели к невысокому крыльцу в пять ступенек с уродливыми гипсовыми вазами по краям, явно пристроенными позднее.

Когда я ступил на лестницу, у меня вдруг закружилась голова. На мгновение мне показалось, что все вокруг померкло и подернулось легкой серебристой рябью. Я остановился и слегка тряхнул головой.

– Все в порядке? – поинтересовался у меня Одиссей.

– Да, – кивнул я. – Нервы, знаете ли...

Одиссей понимающе улыбнулся.

Миновав узенькую прихожую с вахтером, который не обратил на наше шествие никакого внимания, мы оказались в просторном зале с колоннами. Напротив входа, на другом конце зала, вверх поднималась широкая лестница с мраморной балюстрадой. В обе стороны от нее уходили два коридора. Высокие сводчатые окна были завешены тяжелыми пыльными шторами какого-то совершенно неопределенного, мерзкого буро-зеленого цвета. Единственным источником света в зале была огромная четырехъярусная хрустальная люстра с множеством блестящих подвесок.

– Сюда, пожалуйста, – указал налево Одиссей.

– Где мы находимся? – спросил Витька.

Он задал этот совершенно бессмысленный вопрос не потому, что надеялся получить на него ответ, а потому, что ему было невыносимо страшно. Ожидание неизбежного конца было куда более мучительным, чем возможность приблизить его, ведя себя дерзко и даже немного нахально.

– Мы в нашем центральном офисе, – спокойно ответил Одиссей.

– И что теперь? – не двигаясь с места, вызывающе посмотрел на него Витька.

– Прошу. – Одиссей снова указал рукой направление, в котором мы должны были следовать.

– Нет, ребята, – неожиданно зло ощерившись, покачал головой Витька. – Сам я никуда не пойду.

– И как же вы предлагаете решить эту проблему? – спросил, сложив руки на груди, Одиссей.

– Полагаю, что вам придется тащить меня силой, – ответил Витька. – Только имейте в виду, я буду сопротивляться.

– Да брось ты, – с тоской глянул я на Витьку и зашагал в направлении, указанном Одиссеем, в полной уверенности, что Витька, поколебавшись пару секунд, последует за мной.

Мне было не менее страшно, чем моему приятелю. Но, в отличие от него, я понимал, что ребят, к которым мы попали, вряд ли удастся вывести из себя. Не той породы были эти люди.

Надо же, с тех пор как я стал обладателем клиппера, я был уверен, что держу ситуацию под контролем, и не мог даже предположить подобного, столь неблагоприятного для меня поворота событий.

Пройдя до конца коридора, мы поднялись на второй этаж по узкой пристенной лестнице. Одиссей вновь указал нам направление. Пройдя мимо трех дверей, обитых черным дерматином, он велел нам остановиться возле четвертой.

Не дожидаясь новых распоряжений, я открыл дверь и вошел.

Комната была похожа на контору советского образца: шесть столов, установленных в два ряда, между которыми оставался узкий проход, – двоим не разойтись. За столами сидели ухоженные ребята, вроде тех, что заявили ко мне домой вместе с Одиссеем. Перед каждым на столе стоял небольшой плоский монитор. Не знаю, что уж им там показывали, только при нашем появлении ни один из них даже головы не повернул в нашу сторону.

– По-моему, это клоны, – тихо шепнул мне на ухо Витька.

Я только дернул плечом – признаться, мне было совершенно без разницы, что представляют собой эти ребята. В любом случае ни с одним из них я не хотел бы иметь никаких дел.

В дальнем конце комнаты, возле зашторенного окна, находился еще один стол, за которым восседал мужчина лет пятидесяти в темно-синем костюме с безумно-малиновым галстуком. Тяжелая нижняя челюсть, оплывшие щеки и меланхоличный взгляд из-под широких бровей делали его похожим на английского бульдога.

Одиссей подвел нас к столу и представил сидевшего за ним человека:

– Агамемнон.

– Вы что, все здесь греки? – неприязненно посмотрел на Агамемнона Витька.

– А чем, собственно, не угодили тебе греки? – поинтересовался я у него.

– Не в греках дело, – ответил Витька, не сводя при этом взгляда с Агамемнона. – Мне не нравятся типы, которые не называют своих настоящих имен.

– Агамемнон – мое настоящее имя.

Мужчина, сидевший за столом, предпринял попытку улыбнуться. Но улыбка у него получилась настолько вымученно-ужасной, что лучше бы он не делал этого.

Одиссей молча выложил на стол перед Агамемноном мой клиппер.

Агамемнон осторожно взял прибор двумя пальцами, словно боялся, что из него может вырваться струя фиолетовых чернил, которые запачкают его ослепительно-белую манишку, и внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Хайперы, – произнес он, как диагноз неизлечимой болезни.

Одиссей молча кивнул.

– И кто же из вас имел контакты с хайперами? – оценивающе посмотрел на нас с Витькой Агамемнон.

– Если речь идет о брелоке, который вы держите в руках, – сказал я, – то он принадлежит мне.

– Брелок. – Агамемнон вновь помотрел на клиппер. – Вы хотите сказать, что не имеете представления, что это такое?

Раз уж начал от всего отказываться, то следовало придерживаться этой линии до конца.

– По-моему, это самый обыкновенный брелок для ключей, – сказал я.

– Каким образом он оказался у вас? – тут же задал новый вопрос Агамемнон.

– Не помню точно... – Потерев пальцами виски, я изобразил задумчивость. – Кажется, кто-то подарил.

Мне уже стало казаться, что у нас с Агамемноном получается нормальный разговор двух идиотов, ни один из которых не желает говорить другому правду, когда совершенно не к месту влез со своим замечанием Одиссей:

– Баз-три присутствовал при том, как господин Зверинин воспользовался клипшером.

– Что вы на это скажете, господин Зверинин? – без особого интереса, словно на стену, на которой намалевано неприличное слово, посмотрел на меня Агамемнон.

Я замялся, не зная, что ответить.

И тут в разговор вступил Витька:

– Послушайте, по-моему, я здесь единственный, кто не имеет даже самого общего представления о том, что, собственно, происходит.

– А вас это вообще не касается, господин Кровиц, – холодно глянул на него Агамемнон.

– Ничего себе! – возмущенно всплеснул руками Витька. – Между прочим, убить собираются именно меня, а не кого-то другого!

– Речь идет не об убийстве, – деловито поправил его Одиссей. – Это будет акция устранения.

– По мне, так никакой разницы!

Витька распался все сильнее. Я понял, что не пройдет и минуты, как он полностью потеряет над собой контроль. С ним такое порою случается, хотя и крайне редко. Если Витька не мог понять, или хотя бы как-нибудь объяснить самому себе ситуацию, его эмоциональный центр взрывался, подобно вулкану, сотни лет мирно коптившему небо серными парами и вдруг неожиданно для всех решившему проверить, на что он в действительности способен.

Ни Агамемнон, ни Одиссей, похоже, не понимали, что происходит с Кровицем. Я тоже не знал, что мог учудить Витька в ситуации, в которой ему вообще нечего было терять. Но я с нетерпением ждал, когда же наступит крещендо.

– Кто ты, собственно, такой?! – Оперевшись обеими руками о стол, Витька сверху вниз посмотрел на Агамемнона. – Что ты собираешься мне доказать?! Что ты умнее меня?! Аргументов не хватит!.. Отстань! – Витька походя, как от назойливой мухи, отмахнулся от Одиссея, который хотел было его урезонить. – Тебе я тоже могу кое-что сказать!..

Я краем глаза посмотрел на ребяташек, работавших за компьютерами. Ни один из них так и не оторвал взгляда от экрана. Как будто в комнате ровным счетом ничего не происходило. Или же дебош, учиняемый посетителем возле стола начальника, был в их конторе делом самым что ни на есть обычным?

– Господин Кровиц, – с ледяным спокойствием последнего вождя племени сиу произнес Агамемнон. – Я бы посоветовал вам сохранять самообладание.

Не так нужно разговаривать с Витькой! Чтобы привести его в себя, каждое слово должно звучать словно удар открытой ладонью наотмашь по щеке! А так Витька только еще больше завелся.

– Ты мне еще советовать будешь, грек недоделанный! – заорал он так, что у меня уши заложило.

Навалившись грудью на стол, Витька вцепился обеими руками в плоский компьютерный экран, стоявший слева от Агамемнона. Агамемнон со своей стороны тоже ухватился за экран, не позволяя Витьке оторвать его от стола.

Одиссей, видимо, решил, что сможет один справиться с дебоширом, и обхватил его сзади обеими руками поперек груди.

И даже при такой, казалось бы, критической ситуации ни один из мальчиков, сидевших за компьютерами, так и не оторвался от своей работы.

Именно этого момента я и ждал!

Оперевшись на плечо ближайшего ко мне парня в серо-стальном костюме, я запрыгнул к нему на стол, быстро взмахнул руками, чтобы сохранить равновесие, и, не теряя времени, перепрыгнул на соседний стол.

Когда мы еще только шли по проходу между столами, я заметил, что на втором слева от прохода столе лежал предмет, как две капли воды похожий на мой миниатюрный клиппер-брелок, только размером побольше. Мне никогда прежде не доводилось видеть большие клипперы, но я догадался, что это именно он, прибор, с помощью которого можно задавать параметры изменения доминирующей реальности.

Схватив клиппер со стола, я спрыгнул в проход и, подбежав сзади к Одиссею, что было сил ударил его клиппером по затылку.

Витька тут же помог мне. Почувствовав, что хватка Одиссея ослабла, он как следует врезал ему сначала одним, а затем другим локтем по ребрам.

Я еще раз ударил Одиссея клиппером по затылку, и он осел на пол.

Схватив Витьку за руку, я удобнее перехватил клиппер и положил большой палец на пусковую кнопку.

Одиссей на полу перевернулся набок, и я увидел в его руке пистолет.

В том, что он выстрелит, у меня не было ни малейших сомнений.

Не теряя более ни секунды, я нажал на пусковую кнопку клиппера.

Глава 6

Разница между двумя вариантами реальности, замену которых я произвел, задействовав клиппер, оказалась настолько велика, что на пару секунд все вокруг заволокло серебристым мерцающим туманом, сквозь который ничего невозможно было разглядеть. Одновременно с этим возникло довольно-таки неприятное ощущение, как будто я потерял почву под ногами и завис в пустоте, в которой не было ни верха, ни низа. Боясь потерять в этой пустоте Витьку, которого я тоже не видел, я только крепче ухватил его за руку.

– ...Надеюсь, теперь вы понимаете, почему мы вынуждены вам отказать? – услышал я чей-то голос прежде, чем почувствовал твердую почву под ногами.

Первым, что бросилось в глаза, было окно с широко раздвинутыми легкими васильковыми шторами, через которое в комнату лились потоки золотистого солнечного света. Мы с Витькой находились все в той же комнате. Но теперь шесть столов, выстроенных вдоль нее двумя рядами, занимали не безразличные ко всему клоны, одетые в серо-стальные костюмы, а милые и вполне жизнерадостные женщины, работающие с какими-то документами, сложенными в большие красно-коричневые папки. Немного странным показалось мне разве что только то, что почти у всех женщин в чертах лица угадывалась примесь восточной крови.

Витька стоял перед центральным столом, положив обе руки на углы большого компьютерного монитора с таким видом, словно собирался запустить его в голову миниатюрной темноволосой дамы лет сорока, очень похожей на китайку.

– Мне очень жаль, но ваши условия для нас совершенно неприемлемы, – закончила женщина свою речь, начало которой я пропустил.

На лице ее появилась вежливая восточная улыбка, ровным счетом ничего не означавшая. Я быстро сунул клиппер в карман ветровки и положил руку Витьке на плечо.

Витька медленно обернулся и посмотрел на меня шальным взглядом.

– Пойдем, – сказал я ему. – Мы и без того отняли уже слишком много времени у мадам...

Улыбнувшись, как будто сетуя на забывчивость, я посмотрел на даму за столом.

– Мадам Лин, – со всепрощающей улыбкой подсказала мне она.

– Мадам Лин нужно заниматься другими клиентами, – заявил я, похлопав Витьку по плечу.

– Мне очень жаль, что ваш друг воспринял наш отказ как личную обиду, – сказала, обращаясь ко мне, мадам Лин.

– Ничего страшного, – улыбнулся я ей в ответ. – Уверен, он сумеет это пережить.

Я вновь хлопнул Витьку по плечу и на этот раз уже вполне откровенно подтолкнул его в сторону выхода.

Я не знал, где мы оказались после перехода к иной реальности, но полагал, что нам лучше поскорее убраться отсюда. Рядом не было ни Одиссея, ни Агамемнона, ни кого-либо похожего на их подручных, но это был все тот же старинный особняк, куда нас привели для того, чтобы... Ну, скажем так: чтобы серьезно поговорить о жизни.

К счастью, Витька не сопротивлялся, и мы уже почти достигли выхода, когда я услышал за спиной голос мадам Лин:

– Непременно передавайте от меня привет и наилучшие пожелания господину Агамемнону.

Я, вздрогнув от неожиданности, оглянулся.

– Что?

Одновременно со мною тот же самый вопрос произнес и Витька:

– Что?

Мадам Лин вновь улыбнулась своей загадочной восточной улыбкой.

– Право же, я не думаю, что некоторые противоречия, возникшие между нами, серьезно омрачат наши деловые отношения, – произнесла она.

– Да... Да! – уверенно кивнул я. – Уверен, что у господина Агамемнона не возникнет к вам никаких претензий. Мы объясним ему, что вы сделали все от вас зависящее, чтобы разобраться с проблемой.

Улыбка мадам Лин сделалась настолько очаровательной, что я мог бы любоваться ею без конца. Но, к сожалению, сейчас я вынужден был думать о другом.

Кивнув мадам Лин на прощание, я вытолкнул Витьку за дверь и выскользнул в коридор следом за ним.

В коридоре Витька прижался спиной к стене с видом карбонария, приговоренного к расстрелу имперским трибуналом.

– Что все это значит? – тихо, но очень четко артикулируя слова, произнес он.

Было ясно, что, не получив ответ на свой вопрос, он не двинется с места.

– Мы изменили реальность, – ответил я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более спокойно и даже в какой-то степени беспечно: вроде как изменение реальности для меня самое что ни на есть обычное дело.

– Мы?! – Витька уставился на меня так, словно я обвинил его по меньшей мере в соучастии в бандитском налете на мирный экспресс.

– Ну хорошо, я. – Спорить явно не имело смысла.

– Ты изменил реальность?!

– Послушай-ка, Витек. – Я взял своего приятеля под локоть и твердой рукой повлек его вдоль по коридору в направлении лестницы. – Давай-ка сначала выберемся отсюда, а потом уже все обсудим. Право же, мне не хотелось бы вновь встретиться с Одиссеем и его ребятами.

Упоминание имени Одиссея, как ни странно, оказало на Витьку благотворное воздействие. Он зашагал быстрее и более не пытался выкрикивать громким голосом глупые вопросы, привлекая к себе внимание то и дело пробежавших мимо нас сотрудников неизвестного учреждения.

Спустившись по лестнице, мы оказались в зале на первом этаже. Колонны, люстры и огромная парадная лестница – все было на месте. Однако вид у зала почему-то был уже не такой парадный, как при Агамемноне и Одиссее, – просто солидное госучреждение, успевшее отхватить себе старинный особнячок, который всегда, при любых владельцах сохранит хоть что-то от своего бывшего достоинства.

В прихожей возле входной двери стоял обычный письменный столик, за которым сидел вахтер – мужчина лет шестидесяти в синем халате, берете и очках в тонкой металлической оправе. Я хотел взглянуть, что за газету читал вахтер, но именно в тот момент, когда мы с Витькой подошли к нему, он положил газету на стол и посмотрел на нас поверх оправы очков. Взгляд у него был продозрительный, как у любого другого вахтера, но тем не менее он позволил нам беспрепятственно покинуть здание.

Оказавшись на улице, я с облегчением перевел дух, хотя и понимал: то, что мы вновь увидели солнце, вовсе не означало, что мы навсегда избавились от парней из будущего, присвоивших имена героев Троянской войны и горящих неумным желанием разделаться с нами непонятно за что.

Собственно, по поводу своей скромной личности у меня имелись некоторые соображения. Но вот чем насолил Одиссеем и его ребятам Витька, я никак не мог взять в толк. Единственное, что мне приходило в голову, так это то, что, придумывая одну из своих фантастических историй, Витька случайно попал в цель. Его фантазии оказались слишком близки к тому, как в реальности обстояли дела с пришельцами из будущего, что, видимо, и вызвало озабоченность соответствующих служб. Но, с другой стороны, не убивать же за это человека, даже не попытавшись вначале разобраться, что к чему?

– ГОСТЫК, – тихо произнес Витька.

– Что? – непонимающе посмотрел я на него.

– Контора так называется. – Витька указал на черную вывеску рядом со входом.

На вывеске большими желтыми буквами было четко и ясно выведено: «ГОСТЫК».

Могу поклясться, что, когда мы входили в дом, никакой вывески на его фасаде не было.

– Должно быть, какое-то совместное предприятие, – заметил Витька, указав на вязь китайских иероглифов, тянувшихся под загадочной аббревиатурой. – Ты никогда о таком не слышал? – вопросительно посмотрел он на меня.

– К черту этот ГОСТЫК. Идем отсюда.

По-прежнему держа Витьку за локоть, словно он был неразумным мальцом, я быстро зашагал по песчаной дорожке, которая, как я полагал, могла вывести нас к выходу из садика, окружающего особняк.

Ворота в невысокой чугунной ограде были открыты и никем не охранялись. Выйдя за ограду, мы оказались в небольшом тихом переулке. Возле соседнего четырехэтажного дома стояло всего две далеко не новые машины.

– Туда! – уверенно указал Витька налево.

– Почему именно туда? – спросил я на всякий случай.

– У меня врожденная способность к ориентированию на местности, – ответил Витька и, не дожидаясь моих дальнейших вопросов, быстро зашагал в выбранном направлении.

Сомнения мои были обусловлены главным образом тем, что в том направлении, которое выбрал Витька, улица поднималась в гору. Но поскольку спорить сейчас о том, в какую сторону идти, было бы и вовсе глупо, я затрусил следом за штурманом.

– Может быть, ты знаешь, в каком районе Москвы мы сейчас находимся? – не без ехидцы поинтересовался я.

– Знаю, – уверенно ответил Витька. – Неподалеку от станции метро «Кропоткинская». Вот только поднимемся в гору, свернем налево и выйдем точно к бывшему бассейну «Москва».

Хотя уже лет десять, как никакого бассейна возле Пушкинского музея не было в помине, Витька упорно продолжал именовать храм, выстроенный на его месте, «бывшим бассейном «Москва». Если уж Витька на чем-то заикливался, то никто не мог заставить его привести свои взгляды в соответствие с действительностью.

Но на этот раз самоуверенность Витьку подвела.

Когда, поднявшись вверх по переулку, мы вышли на главную улицу, указатель на фасаде углового здания сообщал нам, что это Маросейка.

– Далековато будет до бассейна «Москва», – усмехнулся я, глянув на Витьку.

Но Витька даже и не подумал изобразить смущение или хотя бы растерянность.

– Это все ерунда, – махнул он рукой. – Ты лучше объясни мне, почему на указателе присутствует еще и надпись на китайском?

Взглянув на указатель, я с удивлением убедился, что Витька прав. Так же, как в случае с вывеской на фасаде здания, из которого нам почти чудом удалось сбежать, на этом указателе имелась вторая строчка на китайском языке. Да и сама Маросейка, когда я как следует ее рассмотрел, показалась мне похожей скорее на лондонский Чайна-таун, нежели на московскую улочку. Улица была пешеходной, вымощенной крупным булыжником, а со стороны Политехнического музея ее перекрывали огромные резные ворота с крылатыми драконами и еще какими-то неведомыми существами, обвившимися вокруг столбов.

Я в растерянности стоял, не зная, что предпринять дальше, а Витька уже с восторгом рассматривал витрину китайской аптеки, в которой были выставлены огромные стеклянные банки, наполненные травами, кореньями, порошками, настойками, а порою и вообще чем-то совершенно непонятным, но настолько неприятным на вид, что не хотелось даже гадать о происхождении подобного снадобья.

– Слушай, давай зайдем! – глянув на меня, предложил Витька.

– У тебя голова разболелась? – недовольно буркнул я.

Витька не уловил сарказма в моих словах.

– Да нет, с головой у меня все в порядке, – почти радостно сообщил он. – Просто интересно посмотреть. Я никогда прежде не бывал в китайской аптеке.

– Ты думаешь, мы навсегда отвязались от Одиссея с его бандой? – поинтересовался я.

– А разве нет? – удивленно глянул на меня Витька.

Я только хмыкнул в ответ, поражаясь его наивности.

– Как по-твоему, где мы сейчас находимся?

– В китайском квартале, – уверенно ответил Витька.

– Который расположен в центре Москвы на Маросейке, – закончил я.

– Ну и что, – пожал плечами Витька, всем своим видом демонстрируя, что ему это абсолютно безразлично. – По-моему, место удачное.

Я тяжело вздохнул, наклонил голову и потер пальцами виски.

– Нам нужно где-то сесть, все как следует обсудить и решить, что делать дальше.

– Хорошо, – не стал спорить Витька. – Только сначала давай зайдем в аптеку.

– А ты уверен, что в этой аптеке принимают деньги, которые у нас имеются? – спросил я, проявляя, как мне казалось, вполне уместную осторожность.

– Вот заодно и проверим. – Витька протянул руку и потер большой палец об указательный, намекая на то, что денег у него нет.

Я достал из бумажника банкноту в пятьдесят рублей и отдал ее Витьке.

Витька зашел в аптеку, а я остался ждать его на улице.

Вокруг меня были только китайцы, и я никак не мог отделаться от впечатления, что оказался в каком-то до боли знакомом видеофильме и даже, если постараюсь, смогу припомнить дальнейший ход развития сюжета.

Витька вышел минут через пять. Продемонстрировав пачку «Мальборо», он сунул мне в руку сдачу.

– Деньги в порядке, – радостно сообщил он. – Так что можно где-нибудь перекусить. Как насчет китайского ресторана?

По счастью, утром я положил в бумажник достаточно большую сумму денег, чтобы позволить себе даже ресторан. Но все же я решил, что безопаснее будет заглянуть в какую-нибудь небольшую закусочную.

Пройдя метров пятьдесят по Маросейке, превращенной в Чайна-таун, в направлении Чистопрудного бульвара, мы вскоре нашли небольшую закусочную с вполне приемлемыми ценами. Удобным для нас было и то, что клиентам здесь предлагали расположиться в небольших кабинках, отгороженных бумажными ширмами с изящными китайскими гравюрами. Звукоизоляция в таких кабинках была минимальной, но зато можно было не опасаться, что нас случайно заметит кто-нибудь, с кем нам сейчас совершенно не хотелось встречаться.

Как только мы разместились в одной из кабинок, к нам подошел улыбающийся официант в малиновой курточке и белоснежном переднике. Естественно – китаец.

Взглянув на закатанное в пластик меню, которое он мне протянул, я несколько растерялся. В нем для меня были понятны только цены, проставленные в рублях. Все остальные надписи были сделаны по-китайски.

– Простите, – обратился я к официанту. – А меню на русском языке у вас не найдется?

Официант удивленно приподнял бровь, но, ничего не сказав, ушел за новым меню.

Через пару минут он принес точно такой же лист бумаги, закатанный в пластик, но только заполненный надписями на русском языке. Пластик был таким прозрачным и блестящим, что казалось, до нас к этому меню никто не прикасался.

Посоветовавшись с официантом, который вновь был удивлен тем, что нам непонятны оригинальные китайские названия блюд, мы заказали суп из молодых побегов бамбука и лотоса, лапшу с креветками, кусочки свинины в остром красном соусе и чай, зеленый и черный.

– Похоже, что здесь китайский является вторым государственным языком после русского, – тихо произнес я, рассматривая палочки, которые, уходя, оставил на столе официант.

– Где это – здесь? – не понял Витька.

Ответить я ничего не успел – вернулся официант с нашим заказом. Чтобы собрать его, китайцу потребовалось меньше времени, чем Витьке для того, чтобы купить сигареты.

– Ловкие они, – едва ли не с завистью посмотрел Витька вслед уходящему официанту.

Я привстал со своего места и поплотнее задернул створки ширмы, отгораживающей нас от остального зала. После этого достал из кармана ветровки клиппер и внимательно осмотрел его.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что от того приборчика, который не так давно болтался у меня на связке ключей, большой клиппер отличался не только размерами, но еще и тем, что на одной из его сторон имелась длинная шкала, шириною в палец. Она показала мне похожей на шкалу спиртового термометра, заполненного примерно на две трети ярко-красной жидкостью. На шкале имелись какие-то обозначения, смысла которых я понять не мог. Когда я коснулся указательным пальцем шкалы и чуть передвинул его, столбик красноватой жидкости вырос ровно на такое же расстояние. Вместе с движением пальца в обратную сторону красный столбик тоже уменьшился.

Скорее всего с помощью шкалы с необычным курсором можно было задавать параметры изменения реальности. Проблема заключалась только в том, что я не имел представления, как пользоваться этим клиппером. А следовательно, у нас с Витькой почти не было шансов вернуться в привычный для нас вариант реальности, который нам пришлось покинуть при форс-мажорных обстоятельствах. Или хотя бы найти что-нибудь на него похожее.

Ситуация, и без того невеселая, приобретала совершенно мерзкий оборот.

Глава 7

Пока я изучал клиппер, Витька успел съесть суп из лотоса и бамбука.

– Ну и как? – поинтересовался я, берясь за маленькую, непривычно изогнутую фарфоровую ложечку.

– Вода водой, – ответил Витька и, отодвинув на угол стола пустую чашку из-под супа, переставил поближе к себе тарелку с мясом.

Пару раз безуспешно попытавшись подцепить кусочек мяса палочками, Витька тихо чертыхнулся и взял одну из вилок, которые предусмотрительный официант принес нам вместе с заказом.

Прожевав первый кусок мяса, он удовлетворенно кивнул и тут же наколол на вилку следующий.

– Ну так что? – вопросительно посмотрел он на меня, прежде чем отправить пищу в рот. Я тяжело вздохнул.

Ясное дело, раз уж мы вместе влипли в историю, выпутаться из которой будет не так-то просто, я должен был рассказать Витьке все, что известно мне самому. Но, честное слово, я просто не знал, с чего начать.

– Помнишь то лето, когда мы, закончив второй курс института, пошли купаться на канал? – спросил я.

– Еще бы! – Витька зябко повел плечами – воспоминание было не из приятных. – До сих пор не могу понять, как мне тогда удалось вынырнуть. Чудом жив остался.

– На самом деле ты тогда умер.

– В каком смысле? – непонимающе уставился на меня Витька.

– В самом прямом. В том месте, где мы всегда купались, какие-то деяги свалили на дно канала строительный мусор. Ты нырнул с берега, ударился головой о бетонную плиту и сломал себе шею. Ты умер спустя три дня в больнице, не приходя в сознание.

– Не понял. – Витька откинулся на спинку стула. – Это что, шутка какая-то?

– Нет, – отрицательно качнул головой я. – Это реальность, о которой не помнит никто, кроме меня. Семь лет назад неподалеку от своего дома, переходя улицу, ты попал под машину и умер прежде, чем на место происшествия приехала «Скорая». Не далее как сегодня утром ты погиб при взрыве на пороге своей квартиры. А чуть позже тебя застрелил один из подручных Одиссея, когда ты поднимался по лестнице к моей квартире. – Словно извиняясь за что-то, я развел руками. – Такова реальность.

Какое-то время Витька молчал, сосредоточенно пережевывая кусок мяса. Похоже было, что он никак не мог решить для себя, как относиться к моим словам. Я мог его понять: поверить в то, что ты уже четырежды побывал на том свете, не так-то просто. Но, с другой стороны, ситуация явно не располагала к глупым розыгрышам.

Наконец Витька решился:

– Но ведь я жив? – произнес он, даже не пытаясь скрыть вопросительной интонации.

– Только благодаря тому, что всякий раз после твоей смерти я изменял реальность, – ответил я.

– Так. – Витька решительно отодвинул от себя тарелку с недоеденным мясом. – Вот об этом давай поговорим поподробнее.

– Это – клиппер. – Я положил на край стола грушевидный прибор, позаимствованный в кабинете Агамемнона. – С его помощью можно изменять реальность. Прежде у меня была более простая модель клиппера – тот брелок, что все время висел у меня на ключах и который забрал Одиссей. Он имел жесткую привязку к одному конкретному событию: в случае твоей гибели клиппер должен был отыскать наиболее близкий к нам вариант реальности, в которой

ты останешься жив, и произвести соответствующую замену. В мою же задачу входила только активация клиппера в нужный момент.

– Насколько я понимаю, в серийное производство такие приборы пока еще не поступали, – заметил Витька, рассматривая лежавший перед ним на столе клиппер, но отчего-то не решаясь взять его в руки. – Откуда он у тебя? Я имею в виду тот клиппер, который принадлежал тебе.

– Это давняя история. Я получил клиппер, когда мне исполнилось восемнадцать. А вместе с ним и строгий наказ никогда не выпускать тебя надолго из поля зрения.

– Давай-ка поподробнее. – Витька удобнее устроился на стуле, приготовившись слушать.

– В таком случае начать, наверное, стоит с того, что представляет собой поливариантная реальность, в которой мы живем, – предложил я.

– Ну-ну, – подбодрил меня Витька. – Любопытная тема.

– Существует бесконечное множество возможных вариантов реальности, каждый из которых отличается от смежных с ним каким-нибудь совершенно незначительным моментом. Ну, например, здесь официант положил вилку на стол зубьями вверх, а в ином варианте реальности она ляжет зубьями вниз. Или же на пару сантиметров левее. Смежные реальности настолько похожи, что, переместившись из одной в другую, человек не заметит никакой разницы. Но по мере удаления от доминанты число незначительных изменений накапливается и, как верно заметил классик, количество постепенно переходит в качество. В результате мы получаем реальность, разительно отличающуюся от привычной нам. Вроде той, в которой мы сейчас находимся: Чайна-таун на Маросейке и китайский в качестве второго государственного языка.

– Выходит, что умирал я все-таки по-настоящему. А ты просто находил новые варианты реальности, в которых я оставался жив.

– Нет, – отрицательно качнул головой я. – Все гораздо сложнее. Дело в том, что варианты реальностей, о которых я говорю, – это не параллельные миры, живущие каждый своей собственной жизнью. Это что-то вроде заготовок различных вариантов реальности. Клиппер позволяет активировать тот или иной вариант реальности и сделать его доминирующим.

– А что происходит с той реальностью, место которой занимает новая? – спросил Витька.

– Не знаю, – честно признался я. – Вполне возможно, что она сама становится неактивной заготовкой.

– Понятно, – кивнул Витька. – Значит, здесь мы не рискуем встретиться со своими двойниками?

– Нет, – улыбнулся я. – У меня, как ты понимаешь, уже имеется некоторый опыт по изменению реальности.

– Я также понимаю, что занялся ты этим не по собственной инициативе, – улыбнулся в ответ Витька. – Кто же, позволь узнать, проявил столь трогательную заботу о моей судьбе?

– По словам человека, вручившего мне клиппер, он прибыл из будущего.

– Выходит, я все-таки был прав! – хлестко хлопнул ладонью о ладонь Витька. – Это они сели мне на хвост!

– Наша встреча произошла без малого двадцать лет тому назад, – напомнил я.

– Какая разница! – махнул рукой Витька. – Время имеет значение только для нас, но не для тех, кто способен путешествовать сквозь годы... У твоего знакомого тоже было греческое имя?

– Он представился мне как Парис.

– И часто вы с ним встречаетесь?

– Я видел его только один раз. И говорили мы совсем недолго. По образному выражению Париса, будущее, плавно перетекающее в вечность, похоже на огромный гобелен, сотканный из нитей возможных вариантов реальности. На протяжении тысячелетий узор для гобелена

вечности создавался на основе слепого случая, а потому далеко не всегда он получался удачным. Люди будущего поставили перед собой задачу придать узору законченность и красоту. Как сказал Парис, только в том случае, если эта работа завершится успешно, наша цивилизация получит возможность выйти на вселенский уровень.

– Не понял, – сосредоточенно сдвинул брови к переносице Витька. – Что значит выйти на вселенский уровень?

– Не знаю, – честно признался я. – Так сказал Парис. Что именно это означает, у меня не было времени разузнать. Возможно, тогда мы получим доступ к общению с внеземными цивилизациями.

– И для этого всего-то и требуется немного подкорректировать собственную историю? – Витька скептически поджал губы. – Странно все это... Ну да ладно. Из какого года явился к тебе Парис?

– Он этого не уточнил. Сказал только, что нас разделяет огромный временной отрезок.

– Он говорил что-нибудь о том, как там у них дела в будущем?

– Нет.

– Хотя бы в самых общих чертах.

– Нет. Парис сказал, что не имеет права даже намекнуть мне о том, каким образом будет развиваться мировая история.

– Но судя по тому, что нашим потомкам пришлось заняться перестройкой прошлого, в будущем не все так гладко, как нам хотелось бы надеяться, – усмехнулся Витька. – Ну а каким образом ниточка моей жизни вплетается в гобелен вечности?

– Об этом мне ничего не известно, – покачал головой я. – Не забывай, что я всего лишь исполнитель. Быть может, здесь действует принцип бабочки, о которой ты не так давно говорил. Кто знает, возможно, твоя ранняя смерть может повлечь за собой цепочку необратимых процессов, в результате которых... Ну, я не знаю, – слегка развел руками я, – что там может случиться в конце.

Витька с сомнением цокнул языком.

– Есть во всей этой истории один момент, Анатолий, который кажется мне довольно странным. Зачем Парису понадобилось нанимать тебя, восемнадцатилетнего юнца, для выполнения работы, с которой мог бы справиться любой агент, посланный к нам из будущего?

– Между прочим, у нас восемнадцатилетних юнцов берут в армию и дают им в руки оружие, чтобы они учились убивать себе подобных, – заметил я.

Витька строго постучал пальцем по столу.

– Не уклоняйся от темы.

– Парис сказал, что люди будущего стремятся свести к минимуму контакты с прошлым, дабы не привнести в историю внешний фактор, который невозможно будет учесть при создании гобелена вечности. А в случае со мной риск был минимальным. Как люди относятся к байкам о таинственных пришельцах из будущего, тебе и самому известно. Клиппер же, который вручил мне Парис, чрезвычайно прост в обращении, но его невозможно вскрыть не разрушив всей внутренней схемы. К тому же, поскольку он был настроен на тебя, до тех пор, пока с тобой не случилось чего-то необычного, клиппер оставался простым брелоком для ключей.

– Но ты мог продемонстрировать его действие, воскресив меня из мертвых.

– Для всех посторонних наблюдателей процесс ввода новой доминанты реальности происходит незаметно. Если в новой реальности ты жив, то ни-кто, кроме меня, не помнит о том, что в ином варианте реальности ты был мертв.

– То есть твоя работа для всех остается тайной?

С полуулыбкой благородного героя, который не хочет, чтобы о его подвигах стало известно кому бы то ни было, немного смущенно и слегка растроганно я развел руками.

Витька не дал мне сполна насладиться новой для меня ролью, огорошив очередным вопросом:

– И чего ради ты за это взялся?

Я даже не сразу нашел что ответить.

– А ты бы на моем месте отказался? – Мне было жутко неудобно, когда я сам услышал нотки обиды, явственно прозвучавшие в моем голосе.

– Обо мне разговор особый, – чуть приподнял руку от стола Витька. – Я всю жизнь мечтал встретиться с чем-нибудь необычным. Но ты-то, Анатоль, у нас человек практичный. Прости, но не могу поверить, что ты согласился сотрудничать с Парисом, не испросив для себя ничего взамен.

– Я ничего не выпрашивал у Париса. – Я уже не пытался скрыть обиды. – Он сам пообещал мне, что в случае, если я возьмусь за эту работу, у меня в жизни не будет никаких проблем. Вот и все.

– Все? – с деланным изумлением округлил глаза Витька. – Ты всего-то и получил в свои восемнадцать лет что благополучие на всю оставшуюся жизнь?.. Склоняю голову перед твоим бескорытием, Анатоль. – Витька и в самом деле слегка наклонил голову. – Тебе, как выясняется, вовсе не свойствен синдром пушкинской старухи, которая, ухватив за хвост золотую рыбку, постаралась выжать из нее все, что только можно!

– Кончай ерничать, Витька, – недовольно поморщился я.

– А тебя никогда не посещала мысль, что для того, чтобы избавить тебя от проблем в личной жизни, кто-то другой постоянно следует за тобой и в случае необходимости тоже щелкает клиппером?

– Полагаю, что я не единственный, кому люди из будущего поручили корректировать прошлое.

– Потому что сами они не хотят вмешиваться в нашу жизнь, – тут же добавил Витька.

– Именно, – кивнул я, чувствуя, что Витька готовит мне какой-то подвох.

– И снова концы с концами не сходятся! – азартно щелкнул пальцами Витька. – Судя по тому, что вытворял сегодня Одиссей со своей командой, их ничуть не заботило то, как все это аукнется в будущем.

– Если ты обратил внимание, – не без сарказма заметил я, – Одиссеем намеревался тебя прикончить.

– Верно, – согласился со мной Витька. – И что с того?

– А то, что Парис, напротив, поручил мне следить за тем, как бы с тобой чего не случилось. Выходит, они работают на разные команды.

– Логично, – подумав, согласился со мной Витька.

– А следовательно, и методы работы у них могут быть разными.

Закончив свою речь, я взял чашечку из тонкого, кажущегося почти прозрачным фарфора и сделал глоток чаю. Вопреки моим ожиданиям, чай оказался вполне заурядным на вкус, и я разочарованно поставил чашку обратно на блюдечко.

– Нам удалось выиграть какое-то время, – вновь обратился я к своему приятелю. – Нужно постараться воспользоваться им с умом для того, чтобы найти выход из положения, в котором мы оказались.

– А что тут думать. – Витька пододвинул к себе тарелку с рисовой лапшой, обильно окропил ее соевым соусом и как следует перемешал. – Нужно просто связаться с твоим Парисом и рассказать ему, какими пакостными делами занимаются в нашем времени Одиссей с Агамемноном. Пусть сами между собой и разбираются. У тебя ведь есть способ связаться с Парисом? – Витька посмотрел на меня и после небольшой паузы добавил: – Или нет?

Я отрицательно покачал головой.

– Ты хочешь сказать, что нам предстоит выпутываться из этой истории самим?

– Похоже на то, друг мой Витька.

– Да, проблемка...

Витька попытался палочками подхватить лапшу и едва не вывалил всю ее на скатерть. Выругавшись сквозь зубы, он кинул палочки в стаканчик для салфеток и подцепил лапшу вилкой.

У Витьки интенсивный мыслительный процесс всегда связан с обильным поглощением пищи, по-этому при виде того, как он с аппетитом принялся за еду, о которой совсем уж было забыл, у меня появилась надежда, что, возможно, он что-нибудь да придумает. У меня самого никаких идей не было. Я понимал, что мы вляпались в гнусную историю, но при этом не имел ни малейшего представления даже о том, в каком направлении следует искать выход. Не в милицию же, в самом деле, идти с заявлением, что нас хотят убить пришельцы из будущего?

Глава 8

У нас есть клиппер, – сказал Витька, взглядом указав на лежавший на краю стола прибор грушевидной формы.

– Не понимаю, каким образом клиппер может помочь нам избавиться от Одиссея? – пожал плечами я.

Ничего не сказав в ответ, Витька взял клиппер в руку и принялся вертеть его, рассматривая со всех сторон.

– Пожалуйста, будь осторожен, – предостерег я его.

– А что может случиться? – непонимающе посмотрел на меня Витька.

– Я представления не имею, насколько сильно можно изменить реальность с помощью этого клиппера. Не исключено, что существуют варианты, в которых для нас с тобой места не нашлось. Мне как-то не хочется, чтобы они оказались реализованными.

– Исключено, – изрек после недолгого размышления Витька. – Если бы существовал такой вариант реальности, то Одиссей им уже давно бы воспользовался.

– А как тебе вариант, при котором жизнь вообще исчезает?

– С чего бы вдруг? – недоумевающе вскинул брови Витька.

– Ну, допустим, в результате ядерной войны.

– Ну ты сказанул, – покачал головой Витька. – Должны же быть у этой игрушки какие-то предохранители.

– Давай не будем это выяснять. – Я забрал клиппер у Витьки и спрятал его от греха подальше в карман ветровки.

– В таком случае какие у нас еще есть варианты?

Витька взял с тарелки надкушенный чебурек, погрыз его с менее подгоревшего края и снова кинул на тарелку. Глянув по сторонам в поисках стаканчика с салфетками, он не увидел ничего похожего ни на одном из ближайших столиков.

– Черт, едим как свиньи!

Двумя пальцами Витька вытянул из кармана скомканный носовой платок и вытер им пальцы, после чего взял стоявшую рядом с ним открытую бутылку пива и сделал три больших глотка из горлышка.

– Ты же сам предложил сюда зайти, – ответил я, недовольно глянув по сторонам. Помещение плохо проветривалось, и под потолком висел плотный слой чада от сгоревшего масла. – Сказал, что в свое время это была отличная чебуречная.

– Был не прав, – признал свою ошибку Витька и сделал еще пару глотков из бутылки с пивом, после чего поморщился: – И пиво здесь кислое.

– Ладно, идем отсюда. – Я решительно отодвинул подальше от себя тарелку с совершенно несъедобными как на вид, так и на вкус чебуреками и поднялся из-за стола.

Витька еще раз укусил чебурек, быстро глотнул пива и тоже встал со стула.

– Куда пойдём?

Идей у меня по-прежнему никаких не было, поэтому я молча проследовал до выхода из смрадной чебуречной.

Остановившись на узеньком тротуаре, я подождал, пока выйдет Витька.

Выйдя из дверей, Витька засунул руки глубоко в карманы ветровки, как-то странно посмотрел по сторонам и, непонятно с чего, вдруг спросил:

– А тебе не кажется, Анатолий, что Маросейка могла бы быть отличным местом для московского Чайна-тауна?

Я сначала только усмехнулся в ответ. Порой я поражаюсь, откуда у Витьки в голове берутся подобные мысли. Такое впечатление, что их туда заносит ветром. Однако, посмотрев

в тот конец улицы, который выходит к Политехническому музею, я явственно представил себе высокие резные ворота с китайскими башенками на самом верху и летающими драконами, обвивающими своими длинными хвостами столбы.

Поскольку идти нам с Витькой было некуда – дом, который в другое время казался бы самым надежным убежищем, сейчас представлялся чем-то похожим на западню, где непременно будет поджидать Одиссей со своими парнями, – мы зашли в ближайший скверик и сели на свободную скамеечку, неподалеку от двух старушек, мирно кормивших голубей. Витька сразу же достал сигареты и закурил.

– Слушай, Анатолий, нам нужно найти способ как-то связаться с Агамемноном, – сказал он, пуская дым. – Если он не полный идиот, то можно попытаться договориться с ним.

– И что ты собираешься предложить ему в обмен на наши жизни? – криво усмехнулся я.

– Ну, например, клипшер.

– Он и так его получит, когда Одиссей нас поймает.

– Мы можем где-нибудь спрятать его... В камере хранения на вокзале!

– Ты насмотрелся шпионских фильмов, – недовольно поморщился я.

– Тогда предложи сам что-нибудь дельное, – обиженно насупился Витька.

– Для начала неплохо было бы найти место, в котором Одиссею не придет в голову нас искать.

– Хорошая мысль, – согласился Витька. – И где же мы будем прятаться? Сразу предупреждаю, у меня нет родственников, которые пустят к себе на постой двух мужиков.

– У тебя паспорт при себе?

Витька хлопнул себя по карману.

– Да.

– Тогда можно снять номер в гостинице. Деньги у меня есть.

– Не люблю гостиницы, – скорчил недовольную гримасу Витька.

Я посмотрел на соседнюю скамейку, на которой сидела влюбленная парочка. Молодые люди были настолько заняты друг другом, что не обращали на нас с Витькой никакого внимания. Для них мы были пустым местом, и, осознав это, я почему-то почувствовал легкую досаду.

– А тебе не кажется, Анатолий, что мир вокруг нас постоянно меняется? – отвлек меня от невеселых мыслей вопрос Витьки.

– В каком смысле? – переспросил я.

– Кто-то другой тоже перебирает различные варианты реальности.

– С чего ты это взял?

– Хочешь убедиться сам? Тогда отвечай мне быстро и не задумываясь. До того как мы зашли в чебуречную, ты дал мне деньги на сигареты. Помнишь?

– Ну...

– Где я покупал сигареты?

– В ларьке возле выхода из метро.

– Какую марку?

– «Мальборо», – не задумываясь ответил я.

Витька вытащил руку из кармана и показал зажатую в ней пачку. Это были сигареты «Честерфилд».

– Между прочим, я тоже был уверен, что купил «Мальборо», – сказал Витька.

– Мы могли ошибиться, – попытался возразить я.

– Только не я! – качнул головой Витька. – Я обычно покупаю «Честерфилд». А сегодня взял «Мальборо», потому что «Честерфилда» не было.

Я снова помотал на соседнюю скамейку. Два парня в помятых куртках и бесформенных брюках камуфляжной расцветки, вытянув ноги, обутые в тяжелые кирзовые ботинки, растягивая удовольствие, неторопливо попивали пиво из бутылок.

– Допустим, ты прав, – сказал я, глядя не на Витьку, а на глупых голубей, суесящихся возле скамейки, чтобы успеть склевать падающие на землю крошки чипсов. – Что из этого следует?

– Одиссей с Агамемноном пытаются загнать нас в ловушку, – уверенно заявил Витька.

– Реальность меняется постоянно. – Я задумчиво постучал пальцами по колену. – Мне кажется, в нашем времени работает не один и не один десяток клипперов.

– По-моему, это мерзко, – с отвращением произнес Витька.

– Что именно? – не понял я.

– То, что эти парни из будущего пытаются решать свои проблемы за наш счет.

– Ну, в какой-то мере это и наши проблемы. Они наши потомки. И это мы создали для себя настоящее, а для них прошлое, которое, как выясняется, никого не устраивает.

– Ты так думаешь?

– Слушай, кончай говорить загадками. – Я недовольно глянул на Витьку и замер с раскрытым ртом, забыв, что хотел сказать.

Должно быть, выражение моего лица было настолько необычным, что в глазах Витьки мелькнул испуг.

– Что случилось?

– С каких это пор ты носишь бороду? – спросил я.

Витька поднял руку и провел пальцами по жиденькой шкиперской бородке, обрамляющей его узкое лицо. Вид у него с этой бородкой был настолько идиотский, что я бы непременно запомнил, если бы видел его с ней прежде.

– Не знаю... – растерянно произнес Витька. – Не помню...

Я тряхнул головой, на мгновение прикрыл глаза рукой и уже по-новому посмотрел на своего приятеля.

Да нет же, конечно, я уже видел его с этой бородкой. Он начал отпускать ее недели три назад. Я просто задумался о чем-то своем, глядя на голубей, и забыл, что Витька теперь носит бороду.

– Все в порядке, – умехнулся я чуточку натянуто. – Просто никак не могу привыкнуть, что ты теперь носишь бороду.

– Да не ношу я бороду! – крикнул Витька так громко, что двое ребятишек, рассматривавших какой-то альбом на соседней скамейке, испуганно покосились в нашу сторону. – Не ношу я бороду! – уже спокойнее, чтобы не пугать детей, повторил Витька. – И никогда не носил!

Он ухватил щепотью волосы на подбородке и дернул их с такой силой, словно и в самом деле был уверен, что борода у него ненастоящая и отклеится, если ее как следует потянуть. Болезненно поморщившись, Витька оставил бороду в покое и схватил меня за плечо.

– Неужели ты не понимаешь, что происходит? – горячо зашептал он, глядя на меня возбужденно блестящими глазами. – Реальность меняется настолько быстро, что мы успеваем это заметить!

Я вновь тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Я должен был убедить себя в том, что с реальностью все в порядке. Просто Витька даже сейчас не мог остановиться. Вместо того чтобы посмотреть на происходящее со всей серьезностью, он продолжал сочинять свои дурацкие истории о таинственных преследователях и вселенских заговорах.

– У тебя есть телефонная карточка? – задал очередной неожиданный вопрос Витька.

– Кому ты собрался звонить? – поинтересовался я, сунув руку в карман за бумажником.

– Одиссею, – ответил Витька так, словно собирался звякнуть своей подружке, сообщить, что сегодняшняя встреча отменяется.

Я изобразил удивление:

– Ты знаешь, как до него дозвониться?

– Думаю, что да.

Витька выдернул телефонную карточку из моих пальцев и, перепрыгнув через скамейку, бодро зашагал по направлению к таксофонам, стоявшим на углу дома. Снедаемый любопытством, я последовал за ним.

Витька сунул карточку в приемную щель синего таксофона и, прижав трубку к уху плечом, начал набирать номер.

– Это же мой номер! – изумленно воскликнул я.

– Естественно. – Витька скосил на меня насмешливый взгляд. – А где еще, по-твоему, можно застать Одиссея?

Я с сомнением покачал головой:

– Вполне вероятно, что Одиссей ждет нас у меня дома, но в таком случае трубку снимать он не станет. Он же прекрасно понимает...

Витька знаком велел мне умолкнуть – на другом конце линии кто-то поднял трубку.

– Алё! – радостно крикнул в трубку Витька. – Что?..

Лицо его в один миг изменилось и приобрело выражение глубочайшего удивления. Он как-то странно посмотрел на меня, после чего очень робко произнес в трубку:

– Да.

Удивление на лице Витьки уступило место выражению полнейшего смятения.

– Да, конечно, – еще раз произнес он в ответ на вопрос своего собеседника, после чего со словами: – Это тебя, – протянул трубку мне.

– Одиссей хочет говорить со мной? – спросил я.

– Это не Одиссей. – Витька с прискорбием наклонил голову и, глядя на серый асфальт, совсем тихо добавил: – Это твоя жена.

– Что?! – Я не знал, следовало ли мне удивиться или же возмутиться, а потому попытался совместить в своем возгласе и то и другое. – Какая еще жена?!

– Твоя жена, – все так же тихо повторил Витька и, насколько хватало длины шнура, вытянул руку с зажатой в ней телефонной трубкой.

Он словно боялся, что из трубки может выскочить какое-нибудь мерзкое создание, и, чтобы обезопасить себя, подставлял под удар меня.

Я машинально взял трубку в руки. И в тот же миг понял, насколько глупым и необоснованным было мое возмущение. Я и сам не мог понять, чего ради заявил, что у меня нет жены. Неужели же я пытался обмануть Витьку, который был свидетелем у меня на свадьбе? Правда, Люська его недолюбливала. Мы даже как-то раз серьезно поругались с ней, когда она потребовала, чтобы я больше не приглашал Витьку к нам домой. Но все равно... Как-то глупо.

Я поднес трубку к уху и медовым голосом произнес:

– Люся, это ты?

– А интересно, кого ты еще рассчитывал услышать у себя дома?! – ответил мне звенящий от возмущения голос. – Где ты пропадаешь с самого утра?!

– Ну... – замялся я, не зная, что ответить. – Я сейчас на Маросейке...

– На Маросейке! – взвизгнула Люська. – С чего вдруг тебя туда занесло?!

– Ну мы с Витькой зашли в чебуречную... Пивка выпили...

– Правильно! Ушел из дому на пятнадцать минут и пропал на полдня! Я его жду, волнуясь! А он с Кровицем пиво распивает!

– Ну, ладно, Люсь... – попытался успокоить я вконец распалившуюся супругу.

– Что «ладно»? Что «ладно»? – заорала в ответ Люська. – Сколько ты мне еще будешь нервы трепать?

– Ладно, Люсь, я скоро вернусь.

– Можешь вообще не возвращаться! Знаешь, что у меня сердце больное, а вместо того, чтобы проявить заботу, постоянно бросаешь одну дома!..

На тему своего здоровья, подорванного на почве постоянных переживаний по поводу того, до чего меня может довести дружба с Витькой Кровицем, Люська могла импровизировать до бесконечности. Поэтому я быстро произнес:

– Я скоро буду, – и, не дожидаясь ответа, повесил трубку на рычаг. Да еще и прижал ее сверху рукой, чтобы она, не дай бог, не сорвалась.

– Ну что? – поинтересовался Витька.

Я выразительно развел руками:

– Что ты, не знаешь Люську...

Витька удивленно посмотрел на меня и покачал головой:

– Не знаю.

На какое-то время мы замерли, недоумевающе глядя друг на друга.

– Какую Люську? – спросил Витька.

– Мою жену, – не очень уверенно ответил я.

– А у тебя есть жена?

Я задумался.

– А с кем я сейчас разговаривал по телефону?

Витька пожал плечами.

– Не знаю.

– Так. – Я несколько раз не очень сильно хлопнул себя ладонями по щекам. – Давай начнем все с начала. Ты набрал мой телефонный номер?

– Набрал, – не стал возражать Витька.

– А потом передал трубку мне.

– Ты сам забрал ее у меня.

– Почему?

– Откуда я знаю?

Мы снова умолкли, пытаясь каждый в отдельности разобраться в происходящем.

– Так у тебя есть жена или нет? – спросил Витька.

Я задумчиво прикусил губу.

– На какой-то момент мне показалось, что есть, – произнес я, понимая, что это не ответ.

Витька усмехнулся и провел ладонью по гладко выбритому подбородку.

– На какой-то момент мне тоже показалось, что я отпустил бороду.

– Давай займемся делом, – решительным взмахом руки я отмел в сторону пустые разговоры о несуществующей бороде и мнимой жене. – Кому ты собирался звонить?

– Одиссею, – уверенно ответил Витька.

– Ну так действуй! – Я взглядом указал на все еще торчащую в приемной щели таксофона карточку.

Витька почему-то выдернул карточку из таксофона и перешел к соседнему аппарату. Запустив карточку в приемную щель, он вновь принялся набирать мой номер.

На этот раз он вздрогнул, словно ужаленный осой, и онемел, едва только услышал ответивший ему голос.

– Кто там? – спросил я, не дожидаясь, когда Витька прокомментирует свое странное поведение.

Витька посмотрел на меня взглядом кролика, застывшего под прорезавшими ночь лучами фар мчащегося на него автомобиля.

– По-моему, это... я.

– Что значит «я»?

Витька молча сунул трубку мне в руку.

Взяв ее, я на мгновение замер и мысленно сосредоточился, стараясь представить, кто бы мог находиться у меня дома. Кандидатура Одиссея отпадала. Будь это Одиссей, Витька,

прежде чем передать трубку мне, непременно высказал бы ему все, что он о нем думает. В том, что жены у меня нет, я на этот раз был абсолютно уверен.

Я поднес трубку к уху и твердым голосом произнес:

– Алло.

– Ты куда запропастился, Анатоль? – ответил мне с другого конца линии голос Витьки Кровица.

Признаться, я опешил. Я видел Витьку, стоявшего всего в шаге от меня с осунувшимся и как будто даже посеревшим лицом, и одновременно слышал его голос в телефонной трубке. Такого просто не могло быть!

– Кто это? – спросил я строгим голосом, чтобы сразу же дать понять незнакомцу, что ему не удалось ввести меня в заблуждение.

– Ну ты даешь, Анатоль! Ты, часом, не поддавай?

– С кем я разговариваю? – иначе сформулировал я свой вопрос, все еще пытаюсь убедить самого себя в том, что кто-то просто пытается меня одурачить.

Но на самом деле у меня уже не было ни малейших сомнений в том, что я разговариваю именно с Витькой Кровицем.

– Что у тебя с головой, Анатоль? – вновь зазвучал в трубке Витькин голос. – Ты же сам позвонил мне на работу, велел все бросить и срочно ехать к тебе. А едва я переступил порог, как ты сорвался с места и убежал, успев только кинуть, что вернешься через пятнадцать минут. И вот я уже битых пять часов сижу и жду твоего возвращения.

Я с ужасом вспомнил, что именно так все и было: я вызвал Витьку с работы, а когда он пришел, мне вдруг понадобилось срочно уйти. Вот только куда?.. Но если Витька Кровиц сейчас сидит в моей квартире и дожидается меня, то кто же стоит рядом со мной?

И в этот момент Витька, которого я видел перед собой, заговорил в унисон с тем, другим Витькой, чей голос я слышал по телефону:

– ... Я сижу здесь, как последний дурень, не знаю, чем заняться. Выдул уже целый чайник. И по телику, как назло, ничего путного...

Я почувствовал, как по спине у меня ползут мурашки. Не дожидаясь, чем все это закончится, я бросил трубку на рычаг.

Витька умолк на полуслове, глядя куда-то в пустоту, простирающуюся у меня за спиной. Лицо его окаменело. Он даже как будто перестал дышать.

Я ничего не предпринимал, ожидая, когда Витька придет в себя.

– Уф... – тяжело выдохнул он наконец и, вскинув руки, медленно провел ладонями по лицу.

Когда он убрал ладони, я снова увидел перед собой прежнего Витьку Кровица, только с совершенно несвойственным для него выражением серьезной озабоченности на лице.

– Что это было? – спросил он, твердо уверенный в том, что я смогу ответить на его вопрос.

– Должно быть, по причине слишком быстрой смены реальности, произошло временное наложение одного варианта на другой, – ответил я, стараясь, чтобы слова мои звучали убедительно.

– Да, – быстро кивнул Витька, соглашаясь с тем, что я сказал. И, пару секунд помедлив, снова кивнул: – Да, именно так все и было. – Он тряхнул головой, словно прогоняя какое-то раздражающее видение. – Ты знаешь, Анатоль, мне вдруг показалось, что я нахожусь одновременно в двух разных местах: здесь, рядом с тобой, и в твоей квартире – сижу, забравшись с ногами в кресло, и разговариваю с тобой по телефону.

– А как сейчас? – спросил я, не показывая своей тревоги.

– Сейчас все нормально. – Витька вновь тряхнул головой. – Все в порядке, теперь я только здесь.

Я посмотрел на торчавшую в телефонном аппарате карточку.

– Попробуем позвонить еще раз? – осторожно предложил я.

К моему удивлению, Витька без колебаний согласился.

– Давай, – сказал он. – Только теперь ты сам набирай номер.

У меня на сей счет возражений не было. Я взял трубку и набрал номер своего домашнего телефона.

Долгий гудок в трубке прозвучал три раза. Я уже был готов нажать на рычаг, подумав, что мне никто не ответит, когда в трубке раздался короткий щелчок, следом за которым я услышал знакомый голос.

– Приветствую вас, господин Зверинин, – произнес он вполне доброжелательно, хотя и с легкой иронией.

– Кто это? – спросил я на всякий случай.

– Это Одиссей. Вы ведь собирались звонить именно мне? Или просто ошиблись номером?

На этот раз в голосе Одиссея прозвучала откровенная насмешка.

Я не нашел ничего лучшего, как с возмущением поинтересоваться:

– Что вы делаете в моей квартире?

Одиссей изобразил удивление.

– А с чего вы взяли, что я у вас? Я сейчас нахожусь в нашем центральном офисе. Мы подключились к вашему телефонному номеру. Это совсем несложно.

– Вы хотите убедить меня в том, что я могу спокойно вернуться домой? – недоверчиво поинтересовался я.

– Это уж как вам будет угодно, Анатолий Иванович, – усмехнулся Одиссей. – Вашу квартиру мы не вскрывали. Но, не стану лукавить, за вашим домом, конечно же, ведется наблюдение.

– Ах, всего лишь наблюдение!

– Давайте не будем играть в слова, господин Зверинин. – Голос Одиссея сделался жестким и властным. – Я полагаю, что вы разумный человек и понимаете, как необходимо нам встретиться и поговорить, дабы попытаться найти выход из сложившейся ситуации, который устраивал бы обе стороны.

– В первый раз вы предложили условия, которые трудно назвать приемлемыми для нас.

– Мы еще раз обсудим все как следует.

– Мы – это кто? Вы с Агамемноном?

– Господин Зверинин...

Напряжение, которое я долгое время сдерживал, наконец-то вырвалось из глубин моей души, и я заорал в трубку:

– Черт возьми! В конце-то концов, что вам от нас нужно?!

– Это не телефонный разговор, господин Зверинин, – с ледяным спокойствием ответил Одиссей. – Давайте все обсудим при встрече.

Я снова взял себя в руки.

– Какие вы нам можете дать гарантии?

– Гарантии чего? – не понял Одиссей.

– Того, что с нами ничего не случится.

Одиссей негромко хохотнул.

– О каких гарантиях может идти речь, господин Зверинин? У вас нет выбора. Наша встреча состоится вне зависимости от того, желаете вы этого или нет. Я хочу договориться с вами о встрече вовсе не потому, что нет другого способа организовать ее. Но я предоставляю вам возможность самому сделать первый шаг навстречу нам, поскольку полагаю, что плохой диалог все же лучше хорошей драки. Уверяю вас, мы найдем о чем поговорить. И, честное слово, я не держу на вас зла даже за то, что вы напали на меня сзади и ударили по голове.

Об этом ему как раз не стоило говорить. Как только Одиссей упомянул о драке, я сразу же вспомнил его взгляд, когда он, лежа на полу, целился в нас с Витькой из пистолета. Я мог поверить, что он не держал на меня зла, поскольку, даже получив клиппером по затылку, Одиссей ни на секунду не утратил самоконтроля. В его взгляде не было ни растерянности, ни ненависти – вообще ничего, кроме холодной расчетливости. Он трезво оценивал ситуацию и знал, как следует поступить. Промедли я хотя бы секунду, и он, не раздумывая, нажал бы на курок. Право же, у меня не было ни малейшего желания вновь заглянуть в глаза Одиссею.

Я не бросил трубку лишь потому, что понимал: как только я сделаю это, Одиссей тотчас же начнет действовать.

– Зачем вы все время меняете реальность? – спросил я только для того, чтобы потянуть разговор.

– А у вас неплохие задатки, Анатолий Иванович, – похвалил меня Одиссей. И был он при этом, как мне показалось, вполне искренним. – Большинство наших работников проходят специальную подготовку для того, чтобы научиться сознательно фиксировать момент смены реальности.

В голове у меня в это время с безумной скоростью происходил почти неконтролируемый сознанием процесс поиска верного решения. Десятки вариантов просматривались и отбрасывались один за другим, как несостоятельные. Мне никак не удавалось ухватить ту самую золотую ниточку, способную вывести из лабиринта, в который загнал нас Одиссей. Я понимал, что он строит свою игру на калейдоскопической смене вариантов реальности, надеясь таким способом выбить нас из состояния равновесия. Но что этому противопоставить, я не знал.

– Вас ведет автоматический клиппер, работающий в режиме беспорядочного перебора различных вариантов реальности, – продолжал между тем Одиссей. – То же самое проделано и в отношении вашего друга, господина Кровица. Чем все это может закончиться, я надеюсь, вы и сами прекрасно себе представляете: галлюциногенный бред, вспышки немотивированной ярости, быстро нарастающий психоз... Вот видите, Анатолий Иванович, насколько я с вами откровенен.

Я бросил взгляд на Витьку. Он не слышал, что говорил мне Одиссей, но, должно быть, по выражению моего лица понимал, что ситуация у нас патовая.

– Где вы предлагаете встретиться? – спросил я у Одиссея.

– Если вы скажете мне, где вы сейчас находитесь, я вышлю за вами машину.

Непонятно каким образом в руке Витьки, в которой он до этого держал сигарету, оказалась короткая капитанская трубка. Витька привычным движением поднес ее ко рту и крепко затянулся. На асфальт упала серая тень, – небо, всего секунду назад безоблачно ясное, затянулось черными грозowymi тучами. На землю вот-вот должен был обрушиться ливень. А на стене рядом с таксофоном появилась короткая неприличная надпись.

– Я жду вашего ответа, Анатолий Иванович, – с нажимом произнес Одиссей.

И тотчас же его перебил другой, незнакомый мне голос:

– Господин Зверинин! Немедленно уходите оттуда, где вы сейчас находитесь! Ваше местонахождение уже установлено, и за вами выслана группа захвата!

– А, тьма вечная! – в сердцах выругался Одиссей.

Это было первое неконтролируемое проявление эмоций с его стороны, свидетелем которого я стал.

– Кто говорит? – спросил я, не понимая, что происходит.

Действительно ли кто-то решил прийти к нам на помощь, или же голос в телефоне – это всего лишь следствие очередной смены реальности?

– Это Парис, – ответил мне голос из телефонной трубки. – Уходите, господин Зверинин, или будет поздно!

– Парис... – растерянно произнес я. – Тот самый...

- Да, тот самый Парис, который двадцать лет назад передал вам клиппер...
 - Что происходит? Почему нас с Витькой пытаются убить?
 - Уходите, господин Зверинин! – почти с отчаянием прокричал Парис. – Умоляю вас, не теряйте времени! Я все объясню вам при встрече!
 - Анатолий Иванович, – вновь услышал я голос Одиссея. – Вам попросту морочат голову. Оставайтесь на месте и дождитесь машины.
 - Как мне связаться с вами? – спросил я, обращаясь к Парису.
 - Я сам вас найду. Уходите!..
- Голос Париса оборвался. В трубке послышались частые прерывистые гудки.

Глава 9

Без лишних слов, чтобы не дать Витьке возможность втянуть меня в совершенно неуместную сейчас дискуссию, я покрепче ухватил его за локоть и настойчиво потащил в сторону от проезжей части.

Уже на ходу я произнес только одно слово:

– Уходим, – постаравшись, чтобы прозвучало оно спокойно, но убедительно.

По счастью, Витька не упирался, хотя и не старался облегчить мне работу. Покуривая на ходу, он не спеша, как будто даже с ленцой, переставлял ноги.

Не успели мы сделать и пяти шагов, как позади нас, в той стороне, где переулок выходил на Маросейку, завизжали тормоза сворачивающего на скорости автомобиля.

Витька лениво отщелкнул в сторону окурков и посмотрел назад. Однако вся его вальяжность и показная независимость улетучились в момент, едва он заприметил в начале переулочка знакомый синий микроавтобус «Форд». Сорвавшись с места, Витька припустил вперед с такой скоростью, что я увидел только его спину, когда он свернул за угол.

Кинувшись за Витькой, я успел заметить, как он нырнул в подворотню, и рванул следом, полагая, что он знает, куда бежит.

Мы петляли среди дворов и проулков, между мусорных баков и припаркованных где попало автомобилей. Небо у нас над головами то затягивалось тучами, то озарялось солнцем. Под ногами асфальт сменялся бетоном, на смену которому, в свою очередь, приходила брусчатка, а затем – снова серый асфальт. В небольших сквериках, через которые мы пробегали, росли то огромные дубы с потрескавшейся от времени корой и высокие развесистые клены, то пирамидальные кипарисы и магнолии, то вообще какие-то совершенно незнакомые деревья с сине-зеленой листвой и лохмами свисающих с ветвей лиан. Казалось, чем быстрее мы бежали, тем стремительнее менялась реальность вокруг нас. Неизменным оставался только цвет надетых на нас ветровок: у Витьки – синяя, у меня – зеленая. Должно быть, это было сделано намеренно, чтобы преследователи не теряли из виду наши спины.

Витька стрелой влетел в узкую щель между глухой стеной старого трехэтажного дома и рядом ржавых металлических гаражей. Я забежал туда же следом за ним и остановился, привалившись спиной к стене. Мы бежали всего-то минут десять-двенадцать, но отсутствие регулярных физических упражнений давало о себе знать. Я чувствовал покалывание в правом боку и дрожь в коленках. А Витька так и вовсе присел на корточки и, упершись локтями в колени, дышал надсадно и тяжело, словно загнанная лошадь.

– Давно тебе говорил, бросай курить, – произнес я, едва переведя дух.

Не поднимая головы, Витька только махнул рукой.

Я осторожно выглянул из щели, в которую мы забились, словно крысы. Во дворе дома было пусто. Только пожилой автолюбитель сосредоточенно копался в безнадежно больном моторе своего старенького «Москвича». Он скорее всего даже не заметил, как мы с Витькой пронеслись мимо него.

– Похоже, оторвались, – сказал я, обернувшись к приятелю.

Витька коротко кивнул и поднялся на ноги.

– Стар я стал для таких забегов, – произнес он и сплюнул на землю. – Это был Одиссей?

Пользуясь передышкой, я рассказал Витьке о беседе с Одиссеем, о том, какое предложение он нам сделал, и о внезапно вклинившемся в разговор Парисе, пообещавшем вытащить нас из этой истории.

– Ох, не верю я твоему Парису, – озабоченно покачал головой Витька.

– Но именно он предупредил меня, что Одиссей выслал группу захвата, – напомнил я.

– Ну и что с того? – пренебрежительно дернул плечом Витька.

– Ты уже забыл, Одиссей собирался тебя прикончить, а Парис изо всех сил старается сохранить тебе жизнь?

– Да брось ты, Анатолий, – саркастически усмехнулся Витька. – Моя жизнь для этих парней всего лишь средство достижения каких-то своих целей. А вот что им нужно на самом деле, нам с тобой неизвестно.

Сказав это, Витька повел носом по сторонам и скорчил весьма выразительную гримасу.

– Слушай, давай-ка выберемся отсюда. Воняет здесь...

В щели и впрямь воняло мочой и еще чем-то не менее мерзким.

Я еще раз осторожно выглянул во двор и, не заметив никого, кроме прежнего автолюбителя, который теперь пытался отремонтировать не красный «Москвич», а старый серый «Запорожец», решил, что можно выходить.

– А где мы, собственно, находимся? – спросил Витька, посмотрев по сторонам.

– Я думал, ты знаешь, куда бежишь.

– А, понятно, – кивнул Витька. – Значит, мы заблудились. Хотелось бы надеяться, что мы все еще в Москве.

Завернув за угол, мы посмотрели на указатель с названием улицы и номером дома: «Шинкловский тупик, 2/3».

– Тебе это название что-нибудь говорит? – вопросительно посмотрел на меня Витька.

Я отрицательно качнул головой.

– В Москве столько переулков...

– К тому же почти все они неоднократно меняли имена, – добавил Витька. – Тут и без поливариантной реальности можно запутаться.

Витькино замечание навело меня на любопытную мысль.

– А что, если каждое переименование той или иной улицы в Москве было связано с изменением доминирующей реальности?

Витька посмотрел на меня как на глупого младенца.

– Ты что, забыл, в какой стране живешь? О какой доминирующей реальности может идти речь, если здесь никогда не было ничего определенного: ни будущего, ни даже прошлого? – Витька усмехнулся и покачал головой. – Кстати, это тоже в нашем родном стиле – мучительное стремление выяснить, кто виноват в проблемах, которые мы сами для себя создаем. И, что самое удивительное, виновные обязательно находятся.

Я все же попытался отстоять свое мнение, хотя и без прежней убежденности:

– Но тем не менее пришельцы из будущего у нас орудуют.

– Орудуют, – кивнул Витька. – Но лишь потому, что мы позволяем им это.

Сделав вид, что не заметил Витькиного экивока, я решил сменить тему разговора.

– Ладно, куда пойдём?

– Туда. – Витька уверенно указал налево, в сторону пальмы, торчавшей на краю тротуара.

– И куда мы выйдем?

– А, не все ли равно.

Витька достал из кармана сигарету, прикурил и, выпустив облачко дыма, уверенно зашагал в выбранном направлении.

– Где нас будет ждать Парис? – спросил Витька, когда я догнал его.

– Он сказал, что найдет способ связаться с нами, – ответил я.

– Понятно, – криво усмехнулся Витька.

– Только, будь так добр, не наезжай на Париса сразу же, как только встретимся, – попросил я приятеля. – Не забывай, что он пока единственный, кто берется нам помочь.

– Не берется, а только обещает, – поправил меня Витька. – Но, как бы там ни было, я постараюсь вести себя хорошо. Мне, честное слово, надоела эта катавасия с бесконечно меняющейся реальностью.

Пальма, на которую мы ориентировались, внезапно обернулась чахлой липой с обкромсанной кроной. У Витьки на левой скуле появился глубокий багровый шрам. А я схватился за щеку от боли в зубе, который залечил всего месяц назад.

Поплутав с полчаса по улочкам и переулкам, мы совершенно неожиданно для себя вышли на Мясницкую улицу.

Погода к этому времени в очередной раз переменялась, и с неба начал накрапывать мерзкий мелкий дождик.

– Ну и куда мы теперь? – спросил, втянув голову в плечи, Витька. И тут же предложил: – Может быть, в какую-нибудь кафешку зайдем?

– Мне кажется, нам не стоит подолгу задерживаться на одном месте, – высказал я свое предположение.

Витька, похоже, был со мной не согласен. Он хотел что-то ответить, но не успел – в трех шагах от нас зазвонил телефонный аппарат. В синей уличной будке со стеклом.

– Интересное дело, – вскинул брови Витька. – Я думал, что это только у буржуев звонят телефонные аппараты на улицах.

Не дожидаясь моего ответа, Витька подошел к телефону и снял трубку.

– Алё!

Через мгновение он протянул трубку мне.

– Это тебя. Парис.

Я взял трубку.

– Господин Зверинин, – услышал я голос Париса. – Поздравляю, вам удалось уйти от погоны.

– Как вы узнали, где мы сейчас? – спросил я, хотя и ничуть не удивился тому, что Парис так точно вычислил наше местонахождение.

– Вы все время находитесь в эпицентре изменяющейся реальности, – ответил Парис.

– Выходит, Одиссею тоже известно, где мы?

– Нет. У него нет необходимой для этого системы слежения. Он ведет поиск наугад. Его агенты разъезжают по городу и пытаются выяснить ареал распространения изменений реальности.

– А как же ваш принцип невмешательства?

– Давайте обсудим это позднее, – уклонился от ответа Парис. – Я буду направлять ваше движение по городу, уводя вас от ловушек, расставленных Одиссеем.

– Я думал, что нам просто нужно выиграть время, а потом вы сумеете найти на Одиссея управу. Разве вы работаете не на правительственную организацию?

– Если вы будете действовать в строгом соответствии с полученными от меня инструкциями, то мы в скором времени со всем этим разберемся, – вновь ушел от ответа Парис.

– Как скоро? – попытался выяснить я.

Но Парис, похоже, вообще не имел привычки прямо отвечать на заданные вопросы.

– Настолько скоро, насколько это возможно, – произнес он таким тоном, как будто эта его фраза заключала в себе бездну информации.

– И вы не можете положить конец той чехарде с различными вариантами реальности, которую затеял Одиссей? У меня от всего этого уже голова кругом идет.

– Поверьте, господин Зверинин, если бы мы ничего не делали, вам пришлось бы еще хуже. Наша работа в значительной степени осложнена тем, что Одиссей использует автоматические клипперы с высокой точностью наводки. У нас же на вооружении только клипперы большого радиуса действия. Изменения реальности, спровоцированные Одиссеем, происходят в небольшой зоне, в центре которой находитесь вы. Поскольку зона эта все время перемещается, нам трудно осуществить точную наводку наших клипперов.

– И что же нам теперь делать?

– Вам известен магазин «Библио-глобус» рядом с Лубянской площадью?

– Конечно.

– На первом этаже магазина имеется отдел, где продают сотовые телефоны. Найдите продавца, на личной карточке которого значится имя Михаил, и скажите ему, что вы от меня.

– От Париса? – уточнил я.

– Именно так. Михаил даст вам сотовый телефон, защищенный от дестабилизирующего воздействия изменяющейся реальности, через который я буду поддерживать с вами связь. Получив телефон, немедленно покиньте магазин и двигайтесь в сторону Кузнецкого моста. Лучше идите пешком. Общественным транспортом не пользуйтесь ни в коем случае. Если возникнет необходимость, поймайте машину.

– Все ясно.

– И не приставайте с расспросами к Михаилу. Ему ничего не известно. Он простой курьер, который всего лишь должен вручить телефон тому, кто за ним придет.

– Это все?

– Еще один серьезный момент. В течение ближайшего часа нам предстоит перенастроить нашу аппаратуру, для чего ее на время придется отключить. Вот тогда вы в полной мере ощутите на себе воздействие клипперов Одиссея. Постарайтесь выдержать. Это продлится минут двадцать, от силы полчаса.

– Что именно произойдет?

– Этого я не знаю. Могу сказать только то, что реальность начнет приобретать самые невероятные, труднообразимые формы. Одиссеей задействовано на вас не менее десятка клипперов, поэтому я не берусь даже предположить, с чем вы можете столкнуться. Но, что ни происходило бы вокруг, помните, что это не бред, а реальность.

– Ну что ж, постараемся, – ответил я.

А что я еще мог сказать?

Глава 10

До «Библио-глобуса» мы добрались без особых проблем.

Если, конечно, не считать того, что погода без конца менялась: то ясно, то пасмурно, то тепло, то холодно, то вдруг зарядит дождь. А однажды начал сыпать град, да такой крупный, какого мне прежде никогда видеть не доводилось. С неба падали округлые куски льда размером чуть ли не с куриное яйцо. У машин выбивало ветровые стекла. Вдребезги разлетелась витрина обувного магазина, мимо которого мы как раз проходили. Мужчине на противоположной стороне улицы кусок льда угодил в висок и поранил его до крови.

Чтобы и самим не пострадать, мы с Витькой укрылись под навесом у входа в магазин.

Витька достал папиросу из мятой пачки, тщательно раскурил ее и, выпустив из ноздрей две тонкие струйки сизого дыма, как-то странно на меня посмотрел.

– Что-нибудь совсем экзотичное? – спросил я.

Мы уже почти привыкли к тому, что с нашей внешностью, так же как со всем остальным миром, происходили постоянные метаморфозы.

– Ты похож на престарелого хиппи, – сказал, усмехнувшись, Витька.

Я поднял руку и провел ладонью по волосам, которые, как оказалось, спадали ниже плеч. На уровне лба волосы были перехвачены тонким кожаным шнурком. На лице, к своему величайшему удивлению, я обнаружил круглые очки в тонкой металлической оправе, – никогда прежде на зрение я не жаловался, – а на шее у меня болталось роскошное индейское ожерелье с амулетами из медвежьих когтей.

Должно быть, я и в самом деле выглядел чудно. Но и у Витьки вид был необычный: с бритым черепом и папиросой во рту он здорово смахивал на Маяковского.

Через пару минут град закончился, на небе снова заиграло солнце. Мы с Витькой вновь приобрели более или менее привычный вид и продолжили свой путь.

Уже на подступах к магазину Витька обратил мое внимание на то, что на проезжей части появились красные двухэтажные автобусы, как в Лондоне. Но, надо полагать, это было не самое удивительное из того, что мы сегодня уже видели и что нам еще предстояло увидеть. Витька даже подсадовал на то, что не мог вспомнить многое, с чем нам пришлось столкнуться. Да я и сам почти ничего не помнил. Только какие-то смутные образы, похожие на воспоминания о сне после пробуждения, всплывали из глубин подсознания, когда я пытался собрать воедино все те разрозненные фрагменты различных вариантов реальности, через которые нам довелось пройти. Та реальность, в которой мы находились в данный момент, полностью вытесняла из памяти предшествующие варианты.

Наверное, если бы кто-нибудь взглянул на все происходящее со стороны, он пришел бы в ужас. Мир вокруг нас менялся с невообразимой скоростью, и порою мне казалось, что я, словно в ускоренном кино, вижу, как росток выбирается из семени, проламывается, свернувшись тугой пружиной, сквозь асфальт, превращается в могучее дерево, тут же падает на землю и рассыпается в труху. Но нам с Витькой, как ни странно, не составляло большого труда, войдя в новую реальность, принять ее образы как данность. Да, почти всегда что-то казалось нам непонятным, что-то удивительным, чудным, а то и вовсе противоестественным. Но при этом, насколько я помню, ни у одного из нас ни разу не возникло желание закрыть глаза и бежать, очертя голову, прочь от этих странных картин бытия. И ни разу мы не забыли о том, чего ради мы движемся через вереницу возможных вариантов реальности, поскольку в любом из них незримо присутствовали Одиссей и его подручные, идущие по нашему следу.

Когда мы наконец дошли до «Библио-глобуса», то увидели, что в магазине, который прежде был по большей части книжным, теперь торгуют импортной сантехникой. Для книг же оставался лишь узенький лоток в дальнем углу первого этажа. Но отдел с телефонами был

на месте. И продавец с карточкой «Михаил» на отвороте красного форменного пиджака тоже имелся в наличии.

Услышав пароль: «Мы от Париса», Михаил тотчас же выложил на прилавок нераспечатанную коробку с новеньким сотовым телефоном, после чего отошел в сторону и занялся другим покупателем. Выполнив свою миссию, он в один момент забыл о нашем существовании. То ли Михаил действительно не знал, какими делами занимаются те, с кем он сотрудничает, то ли он был профессионалом высочайшего класса, для которого мы не представляли никакого интереса.

Проходя мимо книжного лотка, я увидел пять или шесть книг моего соседа Трепищева, выставленных на самом видном месте. Заведомо нарушая указания Париса, который велел нам не задерживаться на одном месте, я остановился. Мне, библиофилу со стажем, было любопытно взглянуть на то, как будет меняться книжный ассортимент в зависимости от изменений реальности.

Наблюдать за тем, как одни книги сменяют другие, оказалось даже интереснее, чем я предполагал. В тот момент, когда мы с Витькой подошли к лотку, на нем царствовали женские романы с фривольными картинками на обложках и детективы карманного формата в мягких переплетах. На первых фамилии авторов были исключительно иностранные, на вторых – по большей части отечественные. Затем их в один миг вытеснили толстые фолианты с именами известных философов на обложках и небольшие книжечки совершенно незнакомых авторов, названия которых говорили о том, что это также нелегкое чтение. Витька потянулся, чтобы взять с лотка книгу в невзрачном темно-зеленом переплете, которую пять ее авторов, перечисленных в алфавитном порядке, назвали так: «Мистицизм и экзистенциализм в работах классиков марксизма-ленинизма». Но когда книга оказалась у Витьки в руках, с глянцевой обложки на него смотрел жуткий монстр с налитыми кровью глазами, длинным носом, перепачканным бурой слизью, и оскаленной пастью, из которой лились потоки крови. Книга называлась «Тварь, которая всех сожрала». Витька в растерянности уставился на обложку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.